

Филипп Зеленый

Иконоборцы

Вампирский маскарад

Филипп Зеленый

Иконоборцы

«Издательские решения»

2015

Зеленый Ф.

Иконоборцы / Ф. Зеленый — «Издательские решения», 2015

Эта книга написана по мотивам ролевой игры про вампиров и описывает судьбу и приключения Камила Бенье — бывшего французского офицера в разных временах и странах.

© Зеленый Ф., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Вступление	6
Камил	7
Узы Стали	7
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Иконоборцы

Вампирский маскарад

Филипп Зеленый

*Олесе и Оле, без знакомства с которыми
эта книжка была бы про другое.*

© Филипп Зеленый, 2015

© Филипп Тихоненко, иллюстрации, 2015

Корректор Александра Щапова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Вступление

Теперь, оглядываясь на события, потрясшие довольно тихий домен, я уже могу различить несколько периодов, разбить на этапы развитие этой истории, которая привела к потере доменом своего предыдущего статуса и обретения нового, хотя и несколько неожиданного. Теперь. Но даже вчера все было не так.

А еще недавно была череда ночей, наполненных угрозой, свистом пуль и лязгом затворов, криками жертв и проклятиями, отточенными не хуже мясницкого топора. А кое-где – и стуком этих самых топоров, со смачным чавканьем врезающихся в останки неудачливых соперников. Это были привычные звуки Смутного времени. Времени слабых Князей, неуловимых шабашитов, зашевелившихся в тайных укрытиях Патриархов.

Времени, когда неблагонадежность сородича являлась единственной константой, в которой можно было быть твердо уверенным. Это были ночи без надежды, ночи страха окончательной смерти. Ночи, когда все против всех – лучшая проверка поколения на жизнеспособность. И кое-кто ее выдержал. Выдержал по-разному: залег на дно, покинул территорию домена, пробалансировал на тонкой грани между тех и этих, доказал свою верность клану и секте или же прошагал через весь этот ад с обнаженным стволом и вывернутой наизнанку душой. Моя сага О Солдатах Последних Ночей, о тех, кто оказался достаточно крепок, чтобы уцелеть под огнем, доказать свое могущество и вовремя подставить ладонь клана, готовую принять истерзанный Плод Домена, истекающий приторно-горьким вите междоусобной резни.

И мой рассказ будет о самых ярких представителях Содружества Домена, о клане Бруджа. Это та правда, которую полезно знать, но не та, какую стоит говорить вслух в присутствии гарпий. Если, конечно, ты не один из нас.

Камил

Узы Стали

В ту ночь все не задалось с самого заката. Вчера кто то забыл закрыть окна, и в квартире над убежищем намело какого-то мусора. Пойло из холодильника явственно отдавало гнилью, причем гнилью какой то особой, синтетической, и Камил был уверен, что если поднести бокал к свету и как следует напрячь зрение, можно увидеть вяленькие, гламурные эритроциты безвкусного розового оттенка с надписью «для бедных сироток». Какая мерзость! Гнев остро саданул в виски, и рука оказалась быстрее рассудка – бокал, жалобно взвизгнув, вылетел в окно и исчез в сумерках. Дьявол! А ведь это почти дневная «доза». Но открывать новый пакет не хотелось. Оставалась надежда перехватить что-нибудь по дороге на Совет.

Советы Камил не любил, в основном за редкостную скуку – лепет дефективных детишек с лицами старцев, переливание из пустого в порожнее по три раза на неделю, как будто у старейшин нет своих дел! Однако в этот раз Князь звала всех и без секретарей, в торжественной форме.

Чертовы комары, со своими дурацкими ритуалами! Именно поэтому Камил нацепил косуху погрязнее и, оседлав свой байк, помчался по вечернему городу.

Вечер быстро отступал и сдавал свои позиции ночи, а та огромной темной волной поглощала город. Ночь плыла навстречу гулкой манящей тьмой, пульсировала огнями, теплом и звуками. Она манила и сулила радость проникновения в ее тело сотканное из миллионов частиц. Припадания к множеству источников животворящей влаги, божественных сосудов и туго перелестнутых вен.

Но сквозь весь этот манящий угар, шли струны Закона Секты. Чертовы рамки, ограждения со стальными шипами Договора. На этих шипах повисло немало общих знакомых. Вон хитро шурится Кореец с горелого бронепоезда, переехавшего его параграфа, там белеют чудные локоны Аннессы, сгинувшей в жерновах интриг Старейшин, где-то там далеко болтается то, что осталось от Николя. Много их, тех, кто шел против, и они ждут тебя. Ждут твоей попытки. А пока – крути педали, заседай в собрании выживших из ума комаров и жди своего часа. Жди, ходи по лезвию между ними и нами. Тебя уже презирает Клан как спокойного и безвольного, тебя не ставят ни во что комары, считая старым и выдохшимся, но ты жди. Жди и шупай цепи и стальные стены Соглашения. Упирайся в бетонные стены Маскарада, который так почитают эти глупцы и жди. Придет время. Время – это то, что у тебя есть. До наступления Геенны еще есть время. От этих мыслей, от этого воспоминания, его лицо перекосила волна бессильной злобы, ярость бултыхалась в нем, терзая стенки бастионов его сознания. Однако наружу не просочилось ни капли. Каждый силен в чем-то своем. Камил умел ждать и умел терпеть – иначе не бывать ему примогоном и эмиссаром. Не держать руку на жидком пульсе местных новостей, а довольствоваться крохами из СМИ, как и большинству тупых и недалеких кровососов.

На съезде с метромоста опять была пробка, и длинный тонированный фургон тремеров с ментовскими мигалками осторожно протискивался к встречной полосе. Камил, не желая отказывать себе в удовольствии слегка поразвлечься, совершил хитрый финт и, выскочив на полосу встречного движения, перелетел через капот красной тойоты, протаранил лобовое стекло головой, успев в последний момент швырнуть байк в сторону газона.

Потом был удар, звонкий хруст стекла и обшивки, забивающий ноздри запах чужого страха и благодатные брызги горячего вите, щедро снабренного адреналином. Несколько глубоких жадных глотков, которые пьянили не хуже крепкого вина его юности. И опять удар,

рывок и прыжок через газон, используя кое что из секретного арсенала сородичей, когда время растягивается, становится резиновым или желеобразным и кажется, что ночь летит мимо тебя, оставляя яркие полосы встречных огней.

В элизиум он, конечно, опоздал, но так, для проформы, чтобы не забывали кто здесь кто. Все-таки он не комар, и являться на три минуты позже заявленного времени – это его маленькая привилегия, которая здорово раздражает эти чопорных задротов – Вентру.

К его удивлению, Князя еще не было, так что кланяться этой шайке он счел излишним и прошествовал к своему креслу. Окинув Круг совета взглядом, он удовлетворенно отметил, что Регент также опаздывает, а это значит, что его катафалк еще разбирается с пробкой или только подползает к зданию. Настроение начало улучшаться.

Через несколько минут раздался удар входного колокола и в зал быстрой походкой вошел примоген Тремеров. Он был худ, сед и вообще выглядел как классический злой гений из второразрядных комиксов. Этот образ Регент постоянно культивировал, правда, иногда колдуна кидало в другую крайность и тогда приезжие могли спутать его с представителем клана Розы.

По крайней мере, пока он не открывал рта.

– Мои извинения, премногоуважаемые Собратья! Авария прямо рядом с Элизиумом, – он метнул быстрый взгляд с бруджа на гангрелов и вновь вернулся к бруджа. Камил удивленно поднял брови. Тремер отвел взгляд и нервно примостился на свой край дивана, примостив свой посох между коленей.

Хранитель Элизиума, высокий бледный сородич с едва заметным немецким акцентом, видимо, один из заплутавших в ночи сподвижников Петра I, незаметной тенью скользнул вдоль стены.

– Князь Домена Омск, Юсупова... акх-кх-ха, – голос Хранителя сломался и, жалобно звякнув, затих под сводами зала, как звонкий гонг под гусеницей танка.

В одну долю секунды в коридоре стало тесно от сородичей, жадно заглядывающих в святая святых – личный кабинет князя. Судя по растревоженному гулу этого роя – бывшего князя.

Камил никуда не побежал и не пошел. Он сидел, развалившись в своем кресле и лениво выстраивал варианты случившегося за дверью. Убили? Да. Кол? Возможно. Точно не взрывчатка и не огонь – еще со своей службы он чуял признаки погулявшей в здании стихии огня. Тут было тихо, как в самом настоящем склепе. Но убийство столь могущественного собрата да и еще в его же элизиуме – это нечто новенькое. Ну, хотя бы сегодня не скучно.

– Только пепел! Остался один пепел, – зашебетала темнота.

– И картины, кругом картины, – отозвался сумрак.

– Иконы, точнее ксерокопии, – от стены отделилось нечто, при ближайшем рассмотрении оказавшееся господином Бельским, носферату.

Как осиротевшие цыплята, лишившиеся в одночасье наседки, бродили по залу сородичи.

– Однако, как говорится, Князь умер – да здравствует Князь! – сострил Камил, перефразировав старую как мир фразу. И повернулся в сторону Герхарда Шварцхоста.

– Ваших рук дело? Должен признать довольно удачно! Могу спорить, что у вас абсолютное алиби.

Примоген вентру дернулся и, как-то скособочившись на своем насесте, бросил на него странный взгляд, в котором билась откровенная паника.

– Я здесь абсолютно ни при чем! – заявил толстяк и слегка ослабил узел на галстук, как будто он мешал ему дышать. Старая уловка! Наверняка поправил микрофон.

– Письмо, письмо! Мы нашли ее завещание! – в зал ворвалась Мари, невысокая блондиночка с вечно туповатым выражением лица, секретарь Юсуповой, размахивая сложенным вдвое пергаментным листом.

Хранитель сделал протяжное скользящее движение вперед и двумя длинными холеными пальцами изъясил документ у истерички. Наскоро обзрев лист и, видимо, найдя одному ему

видные штрихи, довольно хмыкнул и в тот же миг перетек в позу «глашатая», замерев посреди элизиума.

– Мы, князь Домена, Юсупова трала-лала ... – дальше Камил слушать не стал, а принялся с интересом оглядывать почтенное собрание, замершее в ожидании подсказки. Становилось скучновато.

– Назначаем Герхарда Шварцхоста нашим сенешалем и облакаем его всеми полномочиями в случае моего отсутствия. Ночь с 26 на 27 сентября сего года.

– Липа! – авторитетно заявил Камил, обращаясь к гангрелам. Блохастики возбужденно переглянулись и загалдели.

– Он же ее и пристукнул. Еще и чернила не просохли, – Камил вызывающе посмотрел на гера Герхарда. Тот опять беспокойно заворочался своей немалой тушкой в гнезде примогенского кресла и, как показалось, постарался ужаться в размерах, видно было, что он не в восторге от этого заявления.

«Да когда ж ты лопнешь-то? Терпеливый ты наш, – рассержено подумал Камил и испытал легкое покалывание в груди, где беспокойно заворочался успокоившийся было Зверь, – Та-ак, спокойно, спокойно, пока не время».

– Я предлагаю выбрать нового князя! – резкий голос Регента, похожий на карканье ворона, врзался в гвалт сородичей и проделал в нем изрядную брешь. Все повернулись в его сторону.

«Пора перехватывать инициативу, – подумал Камил, – а то они сейчас тут нарешают. Хватит с меня этих вентру. Надо подкинуть им какую-нибудь жвачку».

– А я предлагаю выяснить, что стало со старым! – рывкнул он и перехватил внимание на себя, – Для чего провести расследование, а пока – суть да дело – выбрать исполняющего обязанности князя на период расследования. А то – что за справедливость в нашем домене? Хлопнул князя и вперед, к трону? Так дела не делаются, и вам, Вентру, это положено знать, – давил свою линию Камил, от души надеясь, что хоть часть этой своры в последнее время всю накачивалась полночными детективными сериалами и сходу не распознает подставы.

– Да-да! К черту Вентру, с их дебильными играми, – затыкали из своего угла гангрелы, – Даешь расследование! Пора прищемить хвост стервецам! Отомстим за князя!

– А можно ли убедиться в подлинности завещания? – подал голос темноволосый красавчик в белой рубашке с воротничком стоечкой, примоген клана Розы и главный шип в заднице Камилы, Николай Темноветров.

– Это Ее почерк, – ответил Хранитель, – и Ее подпись...

– Или очень похоже на ее почерк и ее подпись, – ввернул Камил, от души развлекаясь, – И найдите уже Шерифа, где его носит, когда наших бьют? – С этими словами он зыркнул по совету, как бы выглядывая кого-нибудь, желающего подраться прямо здесь и сейчас. Желающих, вроде бы, не было.

Разочарованно вздохнув, он поудобнее устроился в своем кресле и продолжил наблюдение за пущенной им телегой. Та постепенно набирала ход, всю скрипя колесами на ухабах старых раздоров. Сородичи толклись по углам, переглядывались, всю пошли шепотки и перемигивания. Затевалась буча. Хранитель тоже уловил признаки разброда и попытался консолидировать собрание, призвав всех к порядку. Если б не его возраст и статус, на усилия Хранителя положили бы пять приборов одновременно, однако они все-таки были на Его Земле, так что гвалт попритих до приемлемого уровня.

– Итак, премногоуважаемые примогены, у нас на повестке дня два вопроса! Первый звучит так: кто за выборы князя?

Камил демонстративно скрестил руки на груди и насмешливо оглядел зал. Белыми свечами поднялись ладони торика, Регента и Герхарда. Остальные проскиповали.

– Тогда второй: кто за расследование? – Камил, гангрелы и носферату воздели свои клешни, немного погода к ним присоединилась Катя Малк, хрупкая, постоянно озирающаяся блондинка с миловидным личиком.

– Хм.. большинство. Тогда осталось последнее – выбрать ответственного. Кандидатуры?

– Вентру ф топку, – блеснул знанием молодежного сленга Камил, – я за носфера. Он у нас самый деловой.

– А мы предлагаем в этом случае провести анонимное голосование, – проблеял Герхард, – дабы каждый мог высказаться без опаски за своего кандидата.

– Чего боитесь? Мести? Значит, есть за что! – и он с глухим вождением глянул в колючий угол, где Розочка, эксцентрично жестикулируя, благоухал что-то на ухо Хранителю. Тот слушал его с нейтральным выражением лица. Однако осторожность победила, и в мгновение ока перед каждым из присутствовавших появилось по листку бумаги и золотой авторучке в форме жезла. Камил, коротко хихикнув, полез в карман косухи и выудил огрызок икеевского карандаша, быстро поправив на ногте, склонился над листком.

Первый раз мнения разделились между вентру и носферами. Но со второго раза умаянные долгими прениями сородичи выбрали господина Бельского исполняющим обязанности князя, и он осторожно примостился в уголке огромного княжеского трона. К нему немедленно потянулись с поздравлениями, подозрениями и вопросами.

Камил облегченно вздохнул и, преувеличенно хромя, добрался до бара, зачерпнул из витэшницы стакан дорогого пойла и, выдохнув как заправский алкоголик, картинно опрокинул в глотку.

Обернулся к залу и радостно воскликнул:

– Мавр сделал свое дело – мавр может уходить, – и, балаганно заржав, двинулся к выходу, по дороге раскланявшись с Главгангрелом.

Обратная дорога через тьму была легкой и певучей. Настроение прыгало между отметками «неплохо» и «хорошо». Эти парламентарии надули сами себя. Он сумел задурить им головы, заставить выбрать не князя с недовластью, что в соответствии с законами и традициями Камарильи означало, что домен провис в состоянии безвластия. Надо только успеть воспользоваться этим шансом и заварить такую бучу, от которой эта структура не прочихается вовек. Нужен повод и нужна сила. Сила желательна сторонняя, чтоб не извальяться своим. А повод нужен, чтобы спустить с цепи засидевшихся без дела анархов, которые после последней стычки на таможне полгода назад изрядно заскучали и вот-вот начнут дурковать, и этот птенцеголовый Барон ничерта не сможет удержать эту банду.

Он не самый великий стратег, но от ощущения скорой драки зачесалось грудь, в том самом месте, где когда-то сгнил осиновый кол одного резвого служака. Ох, идет буря! Держись, Домен, звени – звени стальными цепями законов, на чем удержаться вам, когда рухнут столбы, и разлетятся оземь ларцы с ключами от клеток с Диким Гоном? Зверь в сердце глухо заурчал и лизнул внутренности хлестким языком предвкушения.

На сбор анархов он приехал уже здорово за полночь. В этот раз собирались в небольшой полуподвальной забегаловке недалеко от местного Арбата. Обычный подвал в серой облупившейся пятиэтажке, стены которой на высоту человеческого роста разукрашены различными граффити. Среди иностранных слов и ругательств явственно просвечивала Кровавая Звезда Бруджа – творение заблудшего в их компанию торика. Ее лучи, светившие в невидимом человеку диапазоне, казалось, были нарисованы свежим витэ. Кругом было полным-полно пустой тары и всякого строительного мусора. У входных дверей, из-за которых слышались раскаты тяжелой гитарной музыки, перегнувшись через бетонный бордюр, мирно поблевывала парочка неформалов трудноустановимой направленности, но четко определенной принадлежности – на каждом из них висела метка Бешеной Алисы.

«Ну и флаконы», – подумал Камил, с легкой брезгливостью протискиваясь мимо них ко входу. Ржавая дверь неожиданно легко повернулась на новеньких петлях, и ему в лицо ударил смрад ночного рэйва, хитрая помесь перегара, витэ, сигаретного дыма и несомненного драйва. Собратьев и людей в зале было примерно пятьдесят на пятьдесят. Тусклое багровое освещение, столики, собранные из того, чем богаты окрестные помойки, свечи в граненых стаканах. На импровизированном, грубо сколоченном деревянном настиле, зиждившемся на сложенных друг на друга радиаторах водяного отопления, рьяно трясла космами какая то очередная рок-группа. Солист, белобрысый анарх последнего поколения, рычал в микрофон как гангрел в полнолуние. Камил присмотрелся – нет, Бруджа. Но совсем свеженький, еще не врубавшийся, что все его новые суперсилы и возможности – это не дар, это проклятие. Ничего, у него еще будет достаточно времени, чтобы проклясть всех и вся.

Над импровизированной стойкой, собранной из пустых ящиков и двух холодильников, светилась красным аргонном новенькая неоновая вывеска «Бар носферату». Камил оскалился и еще раз оглядел зал, носферату за столиками не было ни одного. Бармен, гуль Нара, приветственно склонила голову, не переставая смешивать какое-то забористое пойло для клиентов. Он приблизился и поднял левую руку на уровень глаз. Хлопнула дверь холодильника, и секундой позже, держа в руке высокий бокал с тройным коктейлем, Камил плавно обогнул стойку, нырнул под прожженный ковер и очутился в смежном помещении.

Тут было потише и чуть светлее из-за двух плазм под потолком и огромного зеркала на потолке. На диванах, расставленных вдоль стен, висела большая часть клана.

Барон, похожий на обдолбаного кубинского анархиста благодаря черной курчавой бороде и слегка безумным глазам, как раз и был полубезумным анархистом, только местного разлива. Правда, его безумие являлось чем-то средним между клинической паранойей и мегараскаченной интуицией. В общем, господин Семенофф обладал паранормальным даже для собрата «чувством жопы», что не мешало ему в эту самую жопу регулярно попадать, видимо, из спортивного интереса.

Гвалт – как обычно называлось клановое сборище – был в самом разгаре, в углу уже валялась полупустая тара неопределенного пола в грязном комбесте. Малышка с Аналитиком, размазывая по лицу багровые полосы, бурно обсуждали последние сплетни, а вопли Бешеной Алисы, убежденно доказывающей что-то Барону, были слышны даже из зала.

При виде Камилы все ненадолго заткнулись, но спустя секунду зашумели с новой силой.

– Доброй ночи, Барон! Доброй ночи, Алиса! Что у нас еще хренового?

– У нас все пучком, Прима, что нового у скучных старцев?

Отвечать Барону, стоя как школьник у доски, ему не хотелось, и Камил взял паузу. Он уселся в свое любимое большое кресло, развернув его в сторону честной компании, и, поднеся к губам бокал, неспешно продолжил:

– Война на пороге, Барон. Князь мертв, – он сделал небольшой глоток, внимательно наблюдая за реакцией собратьев.

– Да, и довольно давно, – Семенофф на автомате еще несколько раз хихикнул, и тут до него дошло.

– Кто???

– Самое забавное, что неизвестно.

– Кто...

– Пока никто.

– Почему???

– Усилиями вашего скромного дипломата. Заявлено расследование. До конца оно трон остается вакантным. Председатель комиссии – господин Бельский.

– Трындец. Старики окончательно впали в маразм! Они пересмотрели сериалов по НТВ! – вклинилась Алиса.

– Очень может быть. Но если у кого-то было желание свести старые счеты, то лучше времени придумать сложно. Поэтому будьте начеку! И... Барон я тебя сердечно прошу – дай возможность им самим сделать первый ход!

– А-а-а, чтоб тебя, Прима! Умеешь ты обломать всю радость!

– Не ной, – ухмыльнулся Камил. – Просто будь наготове. Информация имеет привычку распространяться. И вошедший сейчас в зал может нести с собой чемодан с подарком. И это будут отнюдь не лепестки роз!

– А вот это вряд ли! – хищно оскалилась Алиса. – У меня у входа аж два сканера припаркованы!

– Сдается мне, увлечение сериалами – это общая паранойя. Что за лексикон, леди? – Камил недовольно поморщился, но внутри зашевелился червячок сомнения, медленно разрастаясь до размеров гадюки.

– За это надо выпить! – бодро предложила Малышка, с легкой истерикой в голосе.

– За что? – чересчур спокойно поинтересовался Барон, повернувшись в ее сторону. – Ну?

– За упокой...

– Да-а-а?

– За войну? – теперь истерика уже рвалась из нее.

– Продолжай...

– За победу??? – ее голос сорвался.

– Хороший тост! Итак, собратья, тема сегодняшней вечеринки – «Упокой, война и победа!»

– Алиса, волоки выпивку!

– Чистую или коктейль?

– Коктейль! Только полигоновский не бери – голова болеть будет! – заржал Бабай.

– Без тебя разберемся, – Алиса смазанной тенью метнулась к выходу.

Вечеринка резко набрала обороты. Выпили коктейля из какой-то подгулявшей девахи, потом по исконно русской традиции два раза ходили «за исчо». Потом Барон заявил, что ему не хватает бойцов, и дал становление какому-то рокеру, забредшему пропустить стаканчик. В этом месте Камил решил, что пора завязывать, набрал код на мобильнике и незаметно исчез с вечеринки.

К становлению Камил относился с некоторым пиететом, и чтобы давать его вот так, на какой-то пирушке, неизвестно кому и толком непонятно для чего? Мерзковато. Хотя, учитывая бароновскую паранойю, в этом мог быть смысл, не видный ему. Время покажет.

За своими рассуждениями он неспешным шагом дошел до дороги и сел в поджидающую его тонированную шестерку, тут же резко взявшую с места.

– Господин, у вас все хорошо? – ослепительные в своем беспокойстве глаза Секретаря следили за каждым его движением через водительское зеркало.

– У нас все хорошо. Пока. – Глядя на проплывающие мимо огни, он слегка расслабился.

– Осмелюсь высказать свое мнение, господин, но когда клан сучает, он превращается просто в гадюшник.

– Это нормально, Маня. Но мне кажется, что в следующую ночь нам не дадут быть такими беспечными.

– Что-то назревает?

– Будет конфликт кланов и не исключено, что вплоть до открытого.

– Но Князь не допустит!

– Князь не допустил бы, но... Иногда обстоятельства выходят из-под контроля.

Подъехав к видавшей виды сталинке, девушка выскользнула из автомобиля и, для вида повозившись с ключами, загнала авто в уродливый бетоно-кирпичный гараж, довольно гармонично смотревшийся в ряду подобных ему страшилищ эпохи загнившего соцреализма конца

двадцатого века. Глухо зашипела стенка – отсекабель шлюзовой камеры. Затем с легким жужжанием парковочная платформа опустилась на гаражный уровень. Лихо подогнав шестерку к перрону возле входа в убежище, она длинным неумовимым движением выпорхнула из авто, распахнула пассажирскую дверь и застыла в легком церемониальном поклоне. Облако ее длинных огненно-рыжих волос, казалось, не поспевающих за хозяйкой, медленно оседало вокруг изящной фигуры.

Камил слегка улынулся и прошествовал к двери в убежище. И, уже поднеся перстень к замку, оглянулся в сторону Секретаря.

– Проверь арсенал, возможно, он нам скоро понадобится.

– Да, господин.

Тяжелая бронированная дверь Убежища медленно закрылась за ним щелкнув в пазах.

Теперь можно было слегка выдохнуть и обдумать ситуацию. Где-то там высоко первые лучи зари начинали золотить небосклон, навевая дремоту. Камил лег на кровать и закрыл глаза. Мир сжался до темно красного канала, который как обычно вел во тьму.

Темные закопченные камни перекрытий довели над ним привычным грузом. Таверна «Старый мост» как раз и была возведена у развалин старого моста, разрушенного еще чуть ли не при Карле Великом.

Тени от масляных светильников скользили по стенам, сплетаясь в причудливом танце. Они скакали по грубой кладке закопченного свода, чтобы через секунду броситься вниз и поглотить то робкое пламя, что их порождало. Огонь в небольших светильниках метался и ловко уворачивался от теней, успевая время от времени бросать свои лучи на стены и столы крошечной таверны. Пятна неяркого красного света выхватывали из тьмы то рукав чьего-то засаленного сюртука, то юбку из грубой шерстяной ткани, то неяркий блик медной пуговицы или бок отполированного руками оловянного кубка. Однако чаще других они стремились к маленькому столу в дальнем углу таверны, загороженному небольшой деревянной ширмой от остального зала, где в компании с тремя кувшинами и бронзовым подсвечником скучал темноволосый молодой человек в потертом мундире артиллериста национальной гвардии. Опытный взгляд, конечно, сразу уловил бы, что цвет обшлагов куртки не соответствуют канту рейтузов, высокие сапоги скорее кавалерийского образца, а из-под обмотанной грязной тканью гарды тяжелого неуставного палаша проглядывают лучики желтого сияния. Но в этот час и в этом месте до этого не было никому никакого дела, в это время взгляд посетителей не поднимался выше корсажа подавальщиц, а чаще уже тонул на дне кубков и кружек, выкарабкиваясь наружу только с обнаружением сухого дна.

Шли третьи сутки ожидания, и с каждым днем оставаться в Париже было все опаснее, полк, к которому он был якобы приписан, уже бодро пылил по восточной дороге, и каждый час задержки в городе сулил новые неприятности. Слава богу, знакомых у Камил тут осталось немного, большая часть сбежала за Ла-Манш, остальные попрятались кто куда, этих можно было не опасаться. Более всего его беспокоила встреча с бывшими сослуживцами, часть которых нынче вполне могла шеголять трехцветной кокардой. Тогда пришлось бы или следовать их примеру, или драться и бежать. Бежать Камилу не хотелось, служить революции – тоже. И единственное, что его пока держало в этой пороховой бочке, была встреча со старым другом. Когда они были еще молодыми безусыми юнцами, эта забегаловка недалеко от старого моста была излюбленным местом их встреч и началом многих славных кутежей. Она находилась под бдительным оком одного из подручных ночного короля, и тут было относительно спокойно. Главное не задавать вопросов и не слишком смотреть по сторонам. Старый слуга узнал его и поклялся передать письмо своему господину, и теперь оставалось только ждать.

Дорога в охваченную революционными потрясениями Францию была не самой легкой, если бы не его фельдъегерские полномочия и подорожная, выписанная дядей его товарища, объясняться пришлось бы на обеих сторонах границы. А так – всего лишь несколько недель в седле и пара стычек, к счастью, не с патрулями, а с лихими людьми, жадно ловившими рыбку наживы в мутной воде. Однако Бог миловал. А последний любитель легкой добычи любезно уступил ему свой мундир и офицерский патент какого-то бедолаги.

Это произошло между третьим и четвертым кубком второго кувшина. Он не заметил движения рядом с собой, но на столе перед ним появился небольшой конверт, скрепленный печатью. Очень знакомой печатью. Камил вскинул голову и попытался обнаружить почтальона, но рядом не было никого нового, все те же лица, точнее, те же тени. Он нетерпеливо вскрыл конверт, но загадки это не прояснило. «Дорогой друг! Следуй за тем, кто передаст тебе это письмо. Я болен и не могу прийти сам. Будь спокоен. Это надежный посланец и он достоин доверия».

Камил встал из-за стола, и его слегка повело в сторону. Молодое дешевое вино давало обманчивое ощущение легкости, но ощутимо путало движения. Он оперся о грубую кладку стены, и, зажав записку в кулаке, двинулся в сторону выхода. Вынырнув наружу, он огляделся, закат уже догорел, но ночь еще не вступила в свои права. На земле лежали те прекрасные вечерние сумерки, что кутают очертания предметов легкой дымкой и заставляют уличные фонари гореть ярче, но еще не несут в себе тьму. Они идут в авангарде ее колонны. Он взглянул на шпили собора, еще золотящиеся последними отблесками небесного огня, не ведая, что несомненно увидит его вновь.

Однако лирика – лирикой, а нашелся и почтальон. Он отделился от стены и вежливо приподнял шляпу.

– Вы прочли письмо, месть?

– Да. Но я бы хотел получить более веские доказательства.

– Извольте, – с этими словами незнакомец протянул ему перстень с зеленым камнем. – Узнаете?

– А что, если это ловушка? – Камил сам не знал, что ему не нравится, но что-то настолько раживало его, даже несмотря на затуманенную вином голову.

– Боже мой, шевалье! Можно подумать Вы – герцог крови! Если не верите друзьям вашего друга, то кому еще Вы здесь можете довериться?

– Простите, мою неучтивость, но...

– Я понимаю Вас, и прощаю Ваше недоверие, но нам надо поспешить, чтобы не наткнуться на патруль и не опоздать, – с этими словами тот быстро двинулся в сторону площади.

– Опоздать куда? – поинтересовался Камил, бросаясь вслед за посланцем.

– К вашему другу, конечно же, – усмехнулся проводник.

Не успели они дойти до конца квартала, как их догнала карета, и кучер осадил коней так, что дверца оказалась прямо перед путниками.

– Очень вовремя, Жан, – приветствовал возчика провожатый и распахнул перед Камилем дверцу. – Так действительно будет быстрее и... безопаснее.

Они влезли в карету, дверца захлопнулась, и кони резко взяли с места. Колеса загрохотали по брусчатке.

Внутри было темно, но не пусто. Камил почувствовал сильный толчок в грудь, и упал на сиденье напротив.

– Что за шутки? – рявкнул он и потянулся за оружием. Махать палашиком в карете было тесновато, но на такие случаи за голенищами его сапога всегда покоилось пара ножей. И последние события в его жизни не сделали эту привычку менее нужной. Однако дотянуться до кин-

жала ему не удалось, руки вдруг стали какими-то неловкими и страшно тяжелыми, как будто их окутала якорная цепь.

– Кто здесь? – эту фразу они с почтальоном выдохнули одновременно, и как бы комично это не было, смех и не думал появиться на его устах. Потому что где-то рядом был ужас, ночной кошмар. Камил зажмурился и принялся вспоминать молитву, но кроме «Отче наш» в русском переводе, ничего не шло в голову. Во время последнего задания ему пришлось пережить восточную кампанию в русской армии, и богохульства помогали там лучше, нежели молитвы. Богохульства и храбрость – что у него еще есть? Поэтому Камил прервал свои теологические потуги и обложил сидящую напротив тьму в русской манере такими пожеланиями, что, буде половина из них вдруг исполнилась бы божьей волею, то за честь, жизнь и даже само существование незримого оппонента никто бы не дал и ломаной медной монетки. Как потом выяснилось – зря. Потому что якорная цепь немедля добралась и до его языка, сделав невозможным любые речевые упражнения.

Его провожатый тем временем запалил небольшой фонарь, и круг желтого света выхватил из тьмы их таинственного попутчика. Точнее попутчицу.

– Госпожа Ка... – испуганно выдохнул почтальон, и, как показалось Камилу, дернулся в сторону двери.

– Без имен, дурень, – она шутя шлепнула его по губам сложенным веером, и от этого легкого толчка голова попутчика дернулась, как от удара.

– Кто это и кому ты его везешь?

– Это друг гостя леди Анны, – его спутник явно пытался придать голосу видимость смирения, но там звучало еще что-то вроде обиды.

– Да-а-а что-о-о вы говорите! И давно он там гостит? Чем заполняет свои ночи эта английская сука?

– Сегодня пошла вторая ночь. Моя госпожа в меланхолии и хочет сделать его своим наследником.

– Ну да, конечно, а Князь наверняка в бегах, и поэтому с Традициями можно творить то, что минуту назад так красочно изложил этот красавчик. Как, кстати, его имя?

– Камил де Бенье, госпожа. Он капитан...

– Да-да, королевских мушкетеров, я вижу, – она засмеялась довольная своей шуткой, – а еще порядочный наглец и хам. Зачем твоей леди такой материал?

– Я всего лишь слуга и потому...

– И потому ты сейчас уступишь мне место и дашь позабавиться с кавалером.

– Он принадлежит той, кто...

– Он принадлежит той, кто мог бы смахнуть твою дурную голову вместе со смазливой мордашкой, но не стала этого делать. И не смей мне перечить, я не собираюсь лишать его возможности встретиться с другом. Я всего лишь хочу уравнять их шансы при этой встрече.

– Как будет вам угодно, госпожа, – почтительно склонил голову провожатый и скользнул в сторону, уступая место рядом с Камилем незнакомке.

Камил слушал этот разговор с возрастающим изумлением, даже его полупьяное сознание било тревогу. Он понимал, что Николя ввязался в какую-то опасную игру. Быть может, он звал друга на помощь, но зачем тогда весь этот бред о доверии? А еще его невообразимо бесила его собственная беспомощность. Эти двое разговаривали в его присутствии, как будто молодой человек был каким-то предметом интерьера. Тем временем незнакомка обернулась к нему, и Камил, наконец, смог разглядеть ее как следует.

Она была довольно молода, с аристократической молочно-белая кожей, тонкими чертами лица, ее медно-рыжие волосы были уложены в тяжелую прическу и дополняли образ этой, без всякого сомнения, прекрасной женщины. Но вот глаза портили все дело. Это были глаза

глубокой старухи, видевшей столько зим, сколько и не снилось никому из живущих, это были глаза тьмы и ночного кошмара.

– Тебе готовили одну дорогу, а я подарю тебе другой путь, – зашептала она Камилу на ухо, медленно расстегивая пуговицы на его мундире. – Ты слишком резкий и прямолинейный, слишком дикий для того, чтобы я отдала тебя этой жеманной суке, – ледяные пальцы огладили его шею замирая время от времени, как будто прислушиваясь к толчкам крови в его жилах. Камил вдруг почувствовал, как в нем просыпается желание обладать этой женщиной, даже невзирая на леденящие душу прикосновения ее пальцев.

– Я чувствую, что ты хочешь любви, но то, что я подарю тебе, – это гораздо больше, и оно почти стоит того, что ты потеряешь.

– Что? – простонал мысленно Камил, борясь со страхом, желанием и все еще висящими на нем якорными цепями, сковывающими его движения.

– Твои краткие дни пойдут в уплату нашим ночам, – в ее голосе послышалась с трудом сдерживаемая ярость и какое-то безумное сладострастие, и в тот же миг неизъяснимое блаженство, текучее, как грех, затопило его сознание. Он почувствовал теплую струйку, сбегаящую по своей шее, и, не глядя вниз, уже знал, что это его кровь, но было уже все равно. Лишь бы продолжался этот пьянящий полет вглубь черного колодца, в объятиях прекрасной незнакомки, навстречу свету, которого для него больше нет.

Пробуждение по будильнику выводит из себя бессмертного даже сильнее, чем смертного. Шагнув за Рубикон не-жизни, ко многому начинаешь относиться по-другому. Но только не к будильнику, в какой бы форме он тебе не являлся. Первым произвольным желанием было уничтожить источник мерзкого звука. Однако лишь когда посеребренная сталь секретера обожгла пальцы, Камил с трудом восстановил контроль над собой и попытался осознать происходящее сквозь багровый туман раздражения. На поверхности был ранний вечер, сумерки еще не коснулись земли.

За решетчатой дверью секретера помигивал огнями мобильный телефон аварийного вызова. Зеленый, значит вокзал! Неужели началось?

Выдвинув ящик, Камил одной рукой поднес телефон к уху, другой набрал комбинацию клавиш на клавиатуре пульта.

– Говорите.

– На нас напали. Днем. Сменили охрану. Дирекция под доминантой. Прикрытие – внеплановое антитеррористическое мероприятие.

– Барон?

– Вне зоны доступа.

– Продолжать наблюдение. Ничего не предпринимать.

Камил сел за пульт и прокрутил записи с камер наблюдения.

Судя по нарукавным шевронам, это охранное подразделение «Камелот», что автоматически означает – клан Розы. Итак, шахматная партия начата, и первый ход за Николаем.

Однако Камил никогда не любил эту старейшую стратегическую игру и был настроен сыграть с вырожденцами в более пролетарский вариант – в «Чапаева».

Он вышел в интернет и отправил кодированное сообщение в первопрестольную. Пора было вызывать подкрепление.

Вечер только начинался, и до захода солнца кое-что еще можно было успеть сделать. Допустим, проверить оружие. Клановый арсенал располагался в Порт-Артуре, а здесь был маленький домашний набор для междоусобиц. Ничем из ряда вон выходящим. Камил похватать не мог.

Небольшой набор автоматического ручного оружия, дробовики, пара раритетных обреза, снятых с поселян, гранаты разных типов. Несколько снайперских винтовок с различной оптикой, связка трофейных наганов и пэемов, а также довольно внушительная коллекция холодного оружия всех видов. С особым трепетом Камил приблизился к витрине, где лежали собратодробительные колья работы знакомого оружейника. Он аккуратно поднял один из них и повертел в руках, в сотый уже наверно раз любуясь подарком. Изящно выкованный из муаровой стали, с легким серебристым узором из переплетающихся линий, с узкими хищно вытянутыми лезвиями бритвенно острых граней, переходивших в верхней трети в гарпунные крючки, похожие на когти гарпии. Рукоять захвата, шершавая от щедро нанесенного узора, но без единой зацепки, позволяющей накинуть петлю, наоборот, плавно сужающаяся к основанию. Идеально изготовленный «выключатель» для собрата. Именной. Камил повернул оружие к свету, и на полированной стали заблестела подарочная гравировка – кровавая звезда и перерубленная роза. Эта игрушка давно ждет своего часа. С легким сожалением он отложил ее и пробежался взглядом по менее навороченным наборам. В основном они все были патронташного типа и позволяли нести на себе около десятка штырей, довольно неприятных для сородича. Были бы опытные бойцы, умеющие этим пользоваться, а с этим в нынешнем клане был явный напряг.

Внезапно его взгляд приковало некоторое несоответствие обычному порядку вещей. Камил пригляделся и рывком перетек к дверце сейфа. Та легко поддалась и явила абсолютную пустоту. Черный свиток – второе сокровище оружейной – бесследно исчез. Камил нахмурил брови и вышел из комнаты, прихватив с собой лишь комиссарскую трость – многофункциональное приспособление, незаменимое в сложившейся обстановке и не привлекающее внимание в обыденной жизни. Свиток определенно взял кто-то из своих, а своих было не так много, что наводило на грустные мысли, – в ближайшее время их станет еще меньше. Решив не играть в прятки со своей паранойей, Камил не ограничился комиссарской тростью и надел плечевую кобуру с небольшим вальтером.

Стоило выйти из оружейной, как в кармане куртки завибрировал мобильник. Приглашение на внеочередное заседание упырского совета. Оперативненько. Князь ты, или не князь, но оставаться крайним никому не хотелось. Разрыв договора – это не та шутка, на которую можно закрыть глаза. Камил довольно улыбнулся и сел за руль.

Вечерний московский спецрейс прибывал в начале первого. Небольшой пузатый самолетик подрулил к зданию аэровокзала, свесил язык трапа и облегченно отпрыгнул нескольких пассажиров. Последним на бетон взлетки ступил высокий бледный господин в твидовом костюме с небольшим серебристым кейсом. Сделал пару шагов в сторону ожидающего микроавтобуса и ... внезапно растаял в воздухе. Антонио Гастелло предпочитал пешие прогулки.

Спустя некоторое время тот же господин проявился возле одного ничем не примечательного дома на краю города. В палисаднике цвели запоздавшие розы, яркими пятнами выделяясь среди начавших желтеть растений. Антонио хмыкнул и нажал кнопку звонка. Ждать пришлось недолго.

Двери открыла невысокая молодая девушка. Большие черные глаза, казавшиеся темными тоннелями, на секунду вспыхнули и тут же угасли.

– У меня дело до вашей хозяйки, – его голос обладал невесомым повелительным акцентом.

Та, коротко поклонившись, пропустила его к дверям в комнату. А вот на дверях, уже безо всяких шарад, был изящно выведен клановый знак по всей форме. Свежесрезанный розовый бутон, хищно ошетилившийся шипами. Казалось – протяни руку и уколешься. Капли росы на лепестках светились рубиново-красным.

– Входи уже, коли пришел, – голос остался неизменным, так же как и ее талант художника.

– Александра, сколько лет, сколько зим! – он шагнул на голос.

– Да, я помню про свой долг, и ты можешь остановиться у меня, – голос, казалось, исходил от туманной дымки окутавшей комнату.

– При чем здесь долг? – делано удивился он, оглядываясь в поисках знакомого силуэта.

– При том, что если бы не он, тебя бы здесь не было. Наши кланы на грани войны. И я очень рискую, принимая тебя, – туман клубился, то обретая форму, то теряя ее.

– Ну, лично меня ты можешь не бояться, – казалось, что вот-вот он ухватит тень ее движения.

– Я и не боюсь, я – опасаюсь. Я слишком хорошо знаю, кто ты и для каких дел тебя обычно зовут, – голос прошелестел так близко, что он почувствовал легкий аромат духов.

– Я здесь по личным делам и не собираюсь причинять тебе вред, – он поставил чемодан на пол и, выпрямив спину встал в пародию на позу охотника – выставив вперед полусогнутые руки, с открытыми ладонями как для игры в жмурки.

– Будем считать, что я тебе поверила, – в ее голосе сквозило откровенное веселье.

В этот момент охотник дрогнул и неуловимым движением заключил в объятия кусок пространства, который после недолгого сопротивления плавно обрел форму и цвет.

– Ты обещал, – теперь к шутливому тону добавились мурлыкающие полутона.

– И я пока держу свое слово, – с этими словами он коротко прикоснулся губами к ее щеке.

– Ах, Антонио, зачем ты связался с этими бандитами? – прошептала женщина, не спеша высвобождаться из его объятий, – из тебя бы вышел такой прекрасный...

– Не начинай, Александра, – он разжал руки и, отойдя на шаг назад, посмотрел ей в глаза. – Мы те, кто мы есть, и это не изменить.

– Прости, увлеклась, – она развернулась на каблуках и прошествовала в глубь дома. – Выпьешь с дороги?

– Не откажусь

– Чистого или смешать?

– Чистого

– Есть неплохая модельерша 1983 года розлива, или предпочитаешь что-нибудь более высокохудожественное?

– Ты же знаешь – я не гурман.

– Тогда – прошу к столу, – хозяйка изящным движением руки пригласила гостя за ширму. На длинном столе, сервированном на две персоны, лежала в забытии молодая девушка, ее длинные светлые волосы с правой стороны чуть потемнели от крови. Она была еще жива, губы бормотали что-то бессвязное, на лице блуждала томная улыбка.

– Под кайфом? – деловито спросил он, наклоняясь над жертвой.

– Ну что ты, – Александра надула губки, – ты же просил чистого! Так, кое-какие старые уловки.

– Ну, тогда за встречу! – и Антонио припал к шее модельерши.

– Прошу тебя, только не до дна! Она еще не дошила последний заказ!

– Неплохой букет, – вежливо одобрил он, – однако налицо злоупотребление никотином.

– Ты же сказал, что не гурман!

– Но это еще не значит, что я не разбираюсь, – с этими словами гость уже откровенно ухмыльнулся – вкупе с перемазанными в крови губами зрелище было почти хрестоматийное. Хоть картину пиши.

Антонио облизнул испачканный в крови палец и, почмокав, воздел очи к потолку.

– Судя по тонкому аромату мяты, я думаю, это Супер Слим с ментолом, – он еще раз облизнул палец и добавил, – тонкие дамские, по сорок пять рублей за пачку, – и он опустил глаза на хозяйку.

Та смотрела на него с суеверным ужасом.

– Кхм, что-то не так?

– Ты занялся магией крови? – в ее голосе появились легкие истерические нотки.

– Отнюдь, – Антонио тяжело вздохнул и, усевшись на стул, задумчиво утерся салфеткой.

– Тогда откуда такие точные сведения?

– Зрение хорошее, – он вытянул руку в сторону жертвы. Хозяйка непроизвольно отшатнулась. Тогда гость, чуть привстав, выдернул из кармана жертвы вышеописанную пачку сигарет и бросил ее на стол.

– Ах ты мерзавец!

– Ну, полно тебе, зато согласишься, это была хорошая шутка.

Холодное молчание было ответом.

– Спасибо за угощение, где я могу поставить свои вещи и переодеться? – гость встал и повернулся к своему чемодану.

– Анна покажет тебе твою комнату. У меня дела, – ощущение присутствия исчезло.

Приведя себя в порядок, то есть сменив дорогой походный костюм на неброский поношенный китель, Антонио распаковал новый мобильник и, набрав номер, отправил код. Отчитавшись таким образом о прибытии, он вышел из своей комнаты и прошел в гостиную. Там было уже прибрано, ширма и пиршественный стол исчезли, зато появились несколько свечных фонариков с разноцветными стеклами. Свет их был тускл, неуверен и неприятен, поэтому гость подошел к большому тонированному окну гостиной, выходившему в сад. Была середина ночи.

В такую ночь не следовало сидеть дома, но он здесь не на прогулке, так что пока придется потерпеть, тем более что эта территория не контролировалась Свободными. Антонио и сам не вполне понимал, что его заставило попросить убежища здесь, а не лечь на одном из клановых мест.

Наверное, чувство противоречия. Их вечное родовое проклятье. Интересно, какая буча заваривается здесь на этот раз? Последний раз он бывал здесь еще при Советах. Тогда было весело, остается надеяться, что в этот раз Камил задумал заваруху не хуже. Антонио отвел взгляд от окна и в тот же момент почувствовал, что он в комнате не один.

– Анна? Что тебе нужно? – сказал он, уже отчетливо сознавая, что это не она. Ощущение взгляда в спину сменилось холодным потоком, бьющим под основание черепа.

– Ччче-ерт, – он крутанулся на каблуках, отчаянно чувствуя, что не успевает. Момент упущен, и холодная волна уже захлестывает его, растекается по позвоночнику, движения замедленны, и тело слушается с явной неохотой, словно преодолевая сопротивление огромной вязкой массы.

Не доезжая до здания библиотеки, где в этот вечер была назначена встреча, Камил припарковал машину и пошел пешком. Машина в условиях войны слишком хорошая цель, и в ней он чувствовал себя более уязвимым, чем без нее. Перейдя по мосту неширокую речушку, давшую в свое время название здешнему поселению, он несколько раз свернул, чтобы сбить возможную слежку, и нырнул под мост на старую заросшую набережную, давно облюбованную местными тусовщиками для распития алкоголя и встреч. Вот и теперь, едва ступив на старый потрескавшийся асфальт, он тут же стал свидетелем ссоры молодой парочки.

– Не хочу! Не трогай меня! – невысокая девчонка в рваной кожаной куртке и красной бандане на темных кудряшках отбивалась от длинного рыжего парня, целеустремленно тискавшего ее в объятиях. От обоих разило дешевым портвейном.

Камил хмыкнул и хотел пройти мимо, однако поравнявшись с ними, скорее учуял, чем заметил на шее у рыжего метку стада цветочников. Он сделал шаг в сторону и, схватив парня за плечи, вытряхнул девушку из его рук.

– Чего тебе надо? – заорал тот.

– Ты братве денег задолжал. Пошли, пройдемся, поговорим, – и Камил подтолкнул парня вперед. – Вы свободны, девушка.

– Я бы и сама справилась, – запальчиво вякнула девица, и подхватив рюкзачок, быстро пошла в сторону моста, ее ошутимо заносило.

– Каких денег? Кому? – ерепенился флакон, однако Камил счёл, что церемонии закончены, втащил его в тень и, технично свернув шею, припал к свежатине. Пить, а тем более убивать чужие дойные флаконы считалось преступлением, но в мирное время. А они уже полдня, как имеют право на ответный удар. Пусть даже и маленький. Нужно же с чего-нибудь начинать. Выкинув тело в реку, он промокнул губы платком и продолжил путь.

Ночь набирала обороты. Над городом всплывала луна, лучась своим холодным самодовольством. Выйдя из-под раскидистых ив, которыми густо порос берег, Камил перескочил двухметровый забор и быстро двинулся вдоль стены здания к главному входу, и таким образом попал в поле зрения видеокамер только на входном пятачке, перед самой дверью. Над входом на ржаво-красной кирпичной стене белым пятном выделялся барельеф в стиле ампира – жезл властителя в лавровом венке.

– Да, еще десять лет назад пионеры такое настенное искусство камнями бы побиили, за неонацизм и хищный оскал буржуазии, а теперь хоть что на стену вешай, – проскрежетало сбоку, и возле входа материализовался носфер Веня в респираторе и с автоматом наперевес. Он услужливо открыл дверь и посоветовал уже совсем другим тоном:

– Оружие лучше оставить здесь, – после чего также плавно растаял в воздухе.

За узким коридором образовался небольшой холл с бронированной витриной, на которой лежало оружие посетителей, дверь в дальнем его конце напоминала сейфовую. По обе стороны застыли молчаливые фигуры в безукоризненных костюмах. Молча отдав свой вальтер, Камил шагнул к двери.

Круглый зал освещался неяркими электрическими факелами и был погружен в приятный полумрак. Как ни странно, сегодня Камил прибыл не последним, представителей клана Розы в зале не наблюдалось. Взяв с низкого столика бокал с витэ, он медленно прошел к своему креслу, по пути кивая собравшимся и получая ответные поклоны. К удивлению Камил место его секретаря пустовало, это уже было, как минимум, странно и слегка тревожно. Удобно расположившись в кресле и поставив на столик секретаря бокал, он извлек телефон и нажал вызов – гудки шли в темноту, темнота молчала. Камил философски покачал головой, убрал телефон, взял бокал и приготовился ждать. Минут через пять после его прибытия входная дверь открылась, и в зал шагнула Александра из клана Розы в темно-алом вечернем платье, с серебряной розой примогена на левом плече. За ней неслышной тенью скользила сереброволосая секретарь с фантазийной прической и ноутбуком одетая в строгий деловой костюм.

Камил дернул бровью, смена представителя – неплохой ход, хотя и легко предсказуемый.

– Прошу всех занять свои места, собрание начинается, – голос Хранителя был подобен льду.

Александра присела на край алого дивана своей фракции, и всякие передвижения по залу замерли.

– На повестке дня два вопроса и одно заявление. Начнем с первого, – господин Бельский развернулся вместе с огромным креслом в сторону собрания.

– Прошу объяснить агрессивные действия подконтрольных клану Розы сил в отношении Содружества Анархов, – вклинился Камил. – Напоминаю собравшимся, что подобные действия напрямую нарушают Договор Шипов со всеми вытекающими последствиями, так что мы ждем объяснений и жаждем восстановления справедливости, мести и контрибуции.

Бельский поморщился, но перебивать не стал. Взгляды собравшихся устремились на нового примогена розочек.

– Клан Тореадоров отрицает свою причастность к данному инциденту, это была личная инициатива Николая. В настоящее время его местонахождение неизвестно. Идет розыск силами Клана. Я как новый представитель уполномочена обсудить условия урегулирования данного конфликта. Повторюсь, это были личные неоговоренные с кланом действия, за что виновный понесет суровое наказание, – Александра повернулась к Камилу. – Контроль над вашим владением снят, силы отозваны, размер штрафа готовы обсудить. Если возможно, наедине.

– Это было бы приемлемо, если бы касалось мелкой шероховатости между кланами, – подал голос Герхард Шварцхост. – Однако своевольные действия вашего бывшего лидера поставили под угрозу ВСЕ кланы, так как нарушили договор подписанный Камарильей и Анархами, – он окинул взглядом собравшихся. – Да и к тому же так вызывающе и неумело, – добавил он уже тише.

В зале зашушукались, зашептались, но Бельский успел перехватить инициативу.

– Предлагаю Клану Тореадор заплатить виру в размере тысячи золотых единиц каждому из кланов Домена и шесть тысяч золотых единиц Содружеству Анархов Домена. Кроме того, выдать бывшего примогена Кругу Совета для официального наказания.

– Возражения есть? – Бельский посмотрел на Камилу. – Возражений нет. Переходим ко второму пункту, – он резко посерьезнел и сместился чуть в сторону, повернувшись к белому экрану.

– Самое интересное, собратья, – он щелкнул пультом, и на экране появились фотографии с прошлого собрания, останки князя, разбросанные по полу листы с ликами, – что проблемы в нашем домене еще только начинаются. Есть обоснованное предположение, что смерть Князя – следствие эксперимента с древним артефактом огромной мощности. И этот артефакт где-то здесь в Домене. Кроме нас его ищет и Шабаш, и никому неизвестно, что будет, если они найдут его первыми. Если кому-то что-то известно об этом, сообщить это Совету – в ваших же интересах.

Собравшиеся сперва по притихли, но потом загомонили с новой силой.

– Как выглядит сей артефакт? – впервые проявил заинтересованность Главгангрел, здоровый зверовидный мужик в тонком позолоченном пенсне, смотревшимся на нем до крайности неуместно.

– Это икона, предположительно византийской работы. Более точно описать сложно, информации не так много. Однако из всего этого я хотел бы резюмировать следующее. У нас напряженные отношения с Анархами, у нас в домене активные эмиссары Шабаша, у нас всплыл старинный артефакт, Домену нужен реальный и полномочный представитель, мы обязаны выбрать нового Князя! Или нас ждут большие неприятности, причем по нашей же линии.

В зале повисла тишина, и в этот момент раздался звонок мобильного телефона, Бельский бросил недовольный взгляд на Александру. Та раздраженно оглянулась на секретаря, но та что-то быстро зашептала ей на ухо. Александра встала.

– Господин Бельский, члены Совета, прошу простить, что я прерываю заседание, но только что при попытке задержания Николая были ранены два наших сородича. Николай обездвижен, но его тело пропало.

– Что значит пропало? Кто же его тогда обездвижил?

– Буквально полчаса назад, когда двое наших оперативников настигли Николая, и, обездвижив, готовились доставить в элизиум, на них было совершено нападение незарегистрированным сородичем, прочитать ауру они не успели, но почему-то уверены, что это бруджа.

– Какого черта, опять? – начал было Камил.

– Возможно, это Шабаш, – прервала его Александра и торопливо продолжила, обращаясь к Хранителю.

– Когда они пришли в себя, незнакомца уже и след простыл, тело Николая Темноветрова пропало! Прошу вас отложить выборы на завтрашнюю ночь, ибо сейчас мое присутствие очень нужно клану, кроме того, у нас всех будет время обдумать кандидатуры.

Хранитель, посмотрел на председателя, и Бельский махнул рукой.

– Итак, сегодняшний сбор по второму вопросу переносится на завтра, просьба желающих занять трон представить до завтрашнего совета свои кандидатуры.

Камил скривился, как от кислого, и вышел вслед за Александрой, но перед самым порогом замедлил шаги и резко обернулся. Перед ним стояла секретарь примы малков, рыжая девушка с короткой стрижкой и странной татуировкой на пол лица.

– Госпожа хотела бы поговорить с вами, – глаз она не поднимала и, казалось, настойчиво разглядывала что-то, обвивавшее ее ноги, одновременно стараясь сохранить осанку, зрелище было так себе, но для малка она держалась довольно неплохо.

Возвращаться Камилу очень не хотелось, однако любопытство пересилило, и он предло-жил:

– Я подожду ее у входа, не слишком долго, правда, – после чего покинул зал и, пройдя бронированную дверь, расположился в одном из кресел стоящих в дальнем углу холла. Собратья медленно расходились.

Первыми ушли ехидно потягивающие гангрелы, забрав с витрины пару раритетных обрезов и дробовик. Камил на секунду задумался, как они получают на них разрешения и даже представил выражение лица милицейского сержанта, когда он увидит эти ржавые боевые артефакты, вписанные в электронные чипы лицензии.

Спустя секунду, в холле появилась Катя – Малк, и близоруко сощурившись, стала осматриваться по сторонам. Заметив Камилу, она быстрыми шагами приблизилась и замерла на расстоянии почтения.

– Мне было видение насчет твоей рыженькой девочки, – быстро протараторила она, поминутно оглядываясь. – Но прежде, чем рассказать, хочу попросить о небольшой услуге.

– Слушаю тебя, – Камилу действительно была интересна судьба секретаря, да и услуга старшей малки стоила недешево.

– Я слышала, у вас с Николаем личные счеты, но если ты узнаешь что-то о его судьбе или найдешь его первым, можешь дать мне знать?

– Боюсь, ты ошибаешься в размерах своей просьбы. И ошибаешься сильно – но я выслушал тебя, скажи теперь, на что ты хотела обменять её.

– Это была просто просьба. Он необязательно нужен мне живым, просто я давно рассматриваю нить его не-жизни, и мне интересно, как выглядят на ней все узелки и надрезы.

Что же касается твоей девочки, то я видела сон: локон рыжих волос в колючем кусте и жухлые лепестки цвета заката, опадающие на чешую, и слишком много света – я почти испугалась, но от волос пахло игривым прищуром, и я вспомнила ее зеленый глаз под этим небом. Ты мне ничего не должен за этот сон, а моя просьба остается в силе.

Малка развернулась и медленно пошла обратно в зал, по пути старательно обходя одной ей видимые трещинки на мраморе.

Камил проводил ее взглядом и направился к двери. Все малки были безумны, и на его памяти их предсказания никогда не заканчивались хорошо, хотя и сбывались с пугающей вероятностью. Другой вопрос, что толковать их с уверенностью мог только такой же безумец, как и эти несчастные. Однако если он хоть что-то понимает в предсказаниях, ему пора искать нового секретаря и попутно узнавать, что же на самом деле случилось со старым.

Ночь была в самом разгаре, город жил своей ночной жизнью. По дорогам неслись авто, слепя ночь галогеном фар, фонари бросали ленивый желтый свет на растрескавшийся асфальт обочин и тротуаров. А над городом плыла тьма, она была выше всех этих слабых сияний, ее

кокон окутывал город и жадно высасывал из него хмельной угар, щедро сдобренный наркотической похотью и бездумной энергией поздних заведений.

Спокойно, но без лишней медлительности он дошел до реки, поднялся на мост и, сунув руки в карманы, зашагал к машине. Телефон Гастелло не отвечал, и это было плохо. Опасность если и бродила где-то рядом в ночи, то сегодня явно охотилась не за ним. Кто-то последовательно, удар за ударом, как в одной из китайских боевых техник, методично вырубал корневую систему его дерева. Сначала Маса, теперь Антонио, кто следующий? Какие еще фигуры остались на доске домена? Сколько игроков? Вопросы падали вниз, как чугунные гири. Кто убрал Темноветрова? И насколько правдив рассказ Александры?

Стоп. Малка спрашивала о судьбе Николая. Значит, он не встретил последний рассвет. Малки в таких случаях не ошибаются. Его исчезновение очень на руку и ему, и его клану. Чужак – бруджа, вот что интересно! Кто он? Неужели Антонио? В этот момент, словно отвечая на его мысли, в кармане запел мобильный телефон.

– Камил? Это Антонио – голос был хриплый и слегка невнятный.

– Почему не отвечаешь? Что случилось? Где ты? – Камил автоматически оглянулся и, сбежав по ступенькам, нырнул в тень моста.

– Я остановился в убежище Александры из Роз.

– Ты с ума сошёл? Не было другого места?

– Она была должна мне услугу, откуда я мог знать, что тут всё так круто?

– Немедленно убирайся оттуда!

– погоди, давай коротко расскажу.

– Александра куда-то ушла, и я просто не успел среагировать. Меня прикрыли чем-то вроде сильной доминанты, заставили сесть в машину и вырубить пару каких-то ториков, которые вязали третьего.

После чего я очнулся уже здесь. Воспоминания обрывочны, тот, кто ставил блокаду, силен, но не слишком опытен.

– Быстро вали оттуда! – рявкнул Камил, уже не слишком заботясь о конспирации.

– Ууп-с, командир, извини – кажется, встретимся в следующей жизни.

Связь прервалась. И из ночной тьмы докатился отзвук далекого грома. Камил бешено лязгнул полутрансформировавшимися клыками и, прыгнув через перила, рванул в сторону машины. Через секунду он уже мчался по городу, визжа резиной и вытягивая из мотора всё возможное.

Точного адреса он не знал, но примерное расположение представлял довольно четко. К сожалению, долго искать не пришлось. Вой пожарных сирен он услышал задолго до того, как увидел пламя. На одной из улиц университетского городка, состоявшей из частных домов, открылся локальный уголок преисподней. Посреди участка разверзлась огромная воронка, похожая на огромный мангал, в котором весело полыхало то, что еще недавно было коттеджем. Пожарные поливали водой соседние дома и заборы, чтобы локализовать очаг, но для убежища Александры все было уже кончено. Пламя извивалось огромным красным зверем, ехидно позыркивая в сторону Камилы. Огонь – извечный враг Собратьев Ночи – радостно резвился на погребальном костре, в который превратился этот вчера еще изящный домик с садом.

Близко Камил подходить не стал, огонь – это то, чего не следует касаться собрату, пламя нарушало целостность плоти, и восстанавливаться после него было дольше и значительно более мучительно, чем после стали, серебра и осины вместе взятых.

Поискав в толпе и проверив фургон «скорой», он пришел к заключению, что если кто и спасся, то он уже далеко отсюда. Поэтому Камил сел за руль и направился к себе. Когда-то давно, выбирая себе убежище, он специально отверг возможность частного дома, коттедж пусть даже и за хорошей оградой – все равно слишком удобная цель. Город – вот идеальное место для тех, кто живет не-жизнью. Чем больше лиц, чем теснее застройка, чем выше скорость жизни,

тем меньше люди смотрят по сторонам, меньше обращают внимание на тех соседей, которые появляются только по ночам, меньше думают, в конце концов! А с возникновением глобальной сети и созданием определенной моды на Детей Ночи, стало проще вербовать молодежь на экстремистских тусовках, на некоторые вечеринки можно ходить даже в частичной трансформации – сойдет за хороший грим. Камилу иногда казалось, что дело идет к легализации собратьев как таковых. Ну да, мертвецы, кровососущие – зато исправно платят налоги, размножаются по лицензии, несут службу в армии, не устают, не требуют воздуха, света и газа. Интересно, кто это спонсирует? Наверняка Жезлы, хотя исполнение некоторых сериалов явно в стиле цветочников.

С такими мыслями он добрался до убежища, на всякий случай оставив машину в двух кварталах. Контур защиты нарушен не был, и охранные системы молчали, так что, немного успокоившись, Камил вошел в подъезд и открыл дверь квартиры. Квартира была обитаема, проживала в ней молодая парочка, постоянно находящаяся под воздействием. В прихожей, в кладовке, начиналась элегантная винтовая лестница в подвал, по которой можно было спуститься на гаражный уровень, а оттуда – и в само убежище, надежно защищенное тоннами стали и бетона.

В период закладки здания помещение, не имевшее даже названия, а только длинный номер, предназначалось для сверхсекретного архива, принадлежавшего органам госбезопасности.

Но потом путем нехитрых процедур все строители отправились в иной мир, а документы, как это часто бывает, растворились в небытие.

Так что с этой стороны все было в порядке, а вот во внешнем мире дела шли не очень хорошо.

Когда живешь очень долго, особенно после смерти, то постепенно привыкаешь к этому, однако перспектива переселиться в иной мир окончательно как-то не прельщает.

Поэтому огненное погребение Антонио изрядно действовало на нервы. В том, что тот погиб, сомнений уже не было. Уж больно характерный привкус был у дыма. Как горят сородичи, Камил насмотрелся, хотя и застал время таких войн буквально краем. Во время гражданской войны в России даже в теневом мире творилось черт знает что. Воспользовавшись заварушкой, Анархи захватили власть, но удержать смогли не везде. Потому на освободившиеся земли нагрянул Шабаш, и началась такая резня, что на улицу страшно было выходить даже бессмертному.

Отогнав навязчивые воспоминания, Камил прошел в кабинет и отправил заявку в автосервис, нужно было проверить авто на наличие жучков, мин и прочих прелестей, которыми она обычно обрастала после выезда на общественные мероприятия, и подготовить к завтрашнему вечеру.

После чего опустил рычаг герметизации бункера и вытянулся на своей двуспальной гробнице. Сон не заставил себя долго ждать, трясина тьмы распахнулась и слизнула его.

– И все же я не понимаю, почему его нельзя просто убить? – Камил крутанулся на каблуках

и сделал еще один круг по каземату. Жажда мести бурлила в нем, пытаясь найти выход из создавшейся ситуации, однако кругом были только камень и тьма.

– Потому что простые решения не всегда самые верные, – отвечал Альберт, – и потому что мы все подчинены законам.

– Законам? Мы сильнее, быстрее, почему мы должны прятаться, а не наступать? Кто и зачем придумал эти чертовы законы?

– Ты читал наши хроники, – голос Альберта был холоден как камень, их окружавший. – Ты знаешь, что случалось когда к власти в кланах приходили те, кто думал так же, как ты

сейчас. Ты слышал об Инквизиции? Многие считают, что это сказочка для простаков, но это не так. Многие из нас были уничтожены и поплатились за свою самонадеянность до того, как было принято Великое Соглашение. Мы должны соблюдать Маскарад. Это основа нашего общества. Мы должны оставаться во тьме их страхов и предрассудков. Они должны считать, что это их мир. Тогда их проще держать в повиновении. Зачем пастуху нужно бешеное стадо? Пускай овцы будут сыты и спокойны, так лучше для всех.

– Черт с ними со смертными! Почему нам нельзя убивать друг друга?

– Во-первых, нас не так много. Во-вторых, каждый из нас является чьим-то потомком, и убивать чужое творение не этично.

– Это ты мне говоришь об этике?

– Да. Тебе еще многому нужно научиться, прежде чем ты сможешь выйти в ночь.

– Чье-то творение! А если я не просил, чтобы меня творили?

– Мало кто из нас просил об этом. Но если ты не встретил свой рассвет сразу же и решился ступить на дорогу ночи, тебе придется соблюдать законы. Соблюдать законы и чтить долги.

– У меня есть долг мести, долг мести за брата! А вы не дадите мне исполнить его!

– Твой долг перед нашим кланом больше твоего долга мести. И потом, как говорят у нас в Италии, месть – это то блюдо, которое следует подавать холодным.

– Что я должен сделать для вашего клана, чтобы исполнить свой долг?

– Я уже говорил тебе. Для начала ты должен выйти отсюда.

– Как я могу выйти, если я не вижу выхода?

– Тебе не говорили увидеть выход, тебе сказали выйти отсюда.

– Мне надоели твои загадки!

– Однако пока ты не решишь эту задачку, ты не продвнешься вперед и ни на шаг не приблизишься к своей цели. Можешь оставаться здесь.

– Я голоден!

– Отлично. Еда там. Снаружи. Дело за малым. Выйди и поешь. До встречи.

Ощущение присутствия исчезло. Тьма сомкнулась вокруг него, холодная и липкая как грязь. Камил зарычал и что есть силы саданул кулаком по каменному своду. Тщетно. Он торчал в этой мышеловке уже целую пропасть времени, но найти выход не мог.

Сначала он ощупал все стены, пытаясь наткнуться на потайную дверь, и пришел к неутешительному выводу, что попал сюда через люк в потолке, который теперь был наглухо закрыт. В углу камеры была небольшая трещина, но даже пальцы с большим трудом могли найти там место. И всей его силы не хватало, чтобы расширить или расшатать каменную кладку. Между тем, голод начинал терзать его тело, переходя на его сущность. Как можно выйти отсюда, если нет двери? Но ходит же сюда каким-то образом Альберт?

Камил лег на пол и постарался успокоиться. Это было непросто. Недавний разговор всколыхнул воспоминания, еще свежие в памяти. После событий, повлекших за собой гибель Николя, и чуть было не последовавшей его собственной окончательной смерти пришлось срочно бежать из Парижа. И ему очень повезло, что в одну из ночей он встретил Альберта, и еще более повезло, что тот его не только не убил, но и взял под свою защиту. Ну, то есть, это он так сказал. На самом деле карлик притащил Камилу в какие-то заброшенные катакомбы и начал усердно пичкать ветхими притчами и еще более ветхими фолиантами, набитыми историей, дикими сказками и нравоучениями. Но через некоторое время, видя, что умные слова стекают с новообращенного, как с гуся вода, видимо, решил провести ему экзамен. И однажды Камил проснулся в этом каменном мешке.

В больших катакомбах, где нашел свое убежище его учитель, было неважно с пищей – жрать приходилось всякую четвероногую дрянь, но в этом каменном мешке отсутствовала даже она.

Мыши, которых было как грязи в подземных коридорах, почему-то обходили стороной эту камеру, и как заманить их сюда, он не знал. Так что голод становился все более и более ощутимой проблемой. Он мешал сосредоточиться, бился в мозгу красной пеленой, вызывал сосущую пустоту в желудке и туманил ясность мысли. Он не мог думать ни о чем, кроме как о еде. Однако нужно было напрячься и что-нибудь предпринять.

Камил чувствовал, что учитель пытается натолкнуть его на практикование одного из древних сказаний из его фолианта, но не мог заставить себя поверить во весь этот бред.

Это были страшные сказки. Но надежды на что-то еще у него уже не осталось. Лечь и умереть от голода было явно не в его стиле.

Альберт любил поговаривать о том, что того, кто практикует путь тьмы, не могут сдерживать замки и решетки, но Камил не принимал эти слова за чистую монету, воспринимая их, скорее, как некий афоризм. Однако вооруженный этим афоризмом уродец только что просочился в какую-то щель и сейчас, наверное, поглощает свой нехитрый пищащий ужин.

Ужин! Поглощает!

Камил перевернулся на живот и, вытянувшись на холодном полу, посмотрел в тот угол, где была заветная щель, пытаясь проникнуть в нее мысленным взором. Постепенно он почувствовал, как тьма посерела, и в этих странных сумерках он как будто растекся по полу серым ручьем, таким же серым, как окружающая его тьма, стены вдруг стали огромными, а он сам чудовищно маленьким. Если бы он вдруг со стороны увидел свое тело, растворенное в этом мраке, это была бы взвесь мельчайших частиц, в озере тьмы, и из этого озера вытекал маленький ручеек, впадая в большую реку подземного тоннеля. Камил слился с этим потоком и отправился струясь вдоль русла, направляемый жаждой, которую не в силах была утолить эта река. Но она могла привести его туда, куда ему было нужно. Он нашел Альберта возле его подземной библиотеки, стоявшим на четвереньках, а рядом на камнях, преданно уставившись на старика, сидела целая рота серых созданий. Камил осмотрелся и отметил, что вокруг старика уже валялась пара опустошенных трупиков. Альберт ужинал.

Еда! Много ЕДЫ!

Камил вцепился во всех, кого мог накрыть своим потоком, и вгрызся в их маленькие жизни сотнями своих клыков. О, как была сладка их дрянная кровь! Он ел, ел, ел и никак не мог наестся.

– Однако у вас отменный аппетит, мой молодой собрат!

Камил очнулся и обнаружил себя сидящим на корточках в конце коридора. Его руки были перемазаны вонючей кровью грызунов, но зато муки голода, терзавшие его все это время, утомонились до вполне приемлемого уровня. Пол коридора покрывал настоящий серый ковер из мертвых животных.

– Как я здесь оказался? Я плыл или летел? Я нашел решение?

– Да, ты блестяще справился с заданием. Поэтому мы заслуживаем награды.

– Награды? Мы? Что ты хочешь этим сказать?

– Я хочу сказать, что мы можем переходить ко второму уроку.

– Что на сей раз?

– На сей раз ты должен научиться питаться, не отнимая жизни. Правила хорошего тона, так сказать, – Альберт ехидно захихикал. – Тут недалеко есть одна ферма. Ее хозяин в это время уже рад любым гостям. Так что если ты не возражаешь против настоящей пищи с легким ароматом молодого вина, быстро повяжи салфетку и помой руки. Мы идем в гости!

Вечер начинался неплохо, во-первых, его никто не тревожил, во-вторых, он успел проснуться до будильника и отключить его первым. Охранные системы молчали. Контурные не были нарушены.

Корреспонденции почти не было, за исключением дневного спама. Машину забрал авто-сервис и пока не вернул. Он прошел к холодильнику, достал пакет с витэ и нацедил себе в бокал грамм полтораста. Включил телевизор и некоторое время играл новостными каналами. Огненное шоу было названо «бытовым взрывом газа», пленение Темноветрова – бандитскими разборками, больше ничего интересного в городе пока не произошло. Ближайшее событие на сегодняшний день – перевыборы Князя. Значит, опять придется тащиться в этот гадюшник.

В этот момент зазвонил официальный мобильник, Камил с интересом взглянул на номер и удивленно поднял брови, однако трубку взял.

– Доброй ночи, Камил, – тембр голоса у регента был неприятен.

– И вам не хворать, с чем пожаловали?

– Зная, что Вы решительный сородич, я сразу предлагаю Вам сделку.

– О как, и какую же?

– Мне нужен Ваш голос в поддержку моей кандидатуры на сегодняшних выборах.

– Прежде, чем мы начнем торговаться, позволю себе напомнить Вам, что я имею лишь совещательный голос в Высшем Совете.

– В обычной ситуации это так. Но ситуация не обычна. И есть основания предполагать, что Ваш голос будет иметь вес. И я хочу, чтобы Вы проголосовали за меня.

Взамен я предлагаю Вам жизнь сородича из вашего клана, которого мы по чистой случайности смогли спасти от окончательной смерти.

– Кого???

– Кажется, его зовут Антонио.

– Он выжил?

– Почти. Почти нет. Но шансы у него есть. Если Вы согласны на подобный обмен услугами. Вы согласны?

– Где и когда?

– Через два часа, на остановке «Парк Победы». Приходите один. Приемлемо?

– Я приду, – раздраженно рявкнул Камил и разорвал связь. Чертов регент! И они еще смеют разговаривать с ним в таком тоне, близость власти определенно помutilа рассудок этого колдунишки.

Анархии, или «Свободные», официально не входили в Камарилью, и должность Камилла в совете была скорее данью традиции, он как представитель Содружества был скорее дипломатом и наблюдателем от другого лагеря, чем полноправным представителем клана. Просто так сложилось, что почти все бруджа Домена принадлежали к Содружеству, а не к секте, и место примогена пустовало до его прихода. Когда же Камил занял место наблюдателя, как-то само получилось так, что когда дело касалось вопросов клана Бруджа, к его голосу прислушивались чуть больше, чем следовало согласно официальным полномочиям. И для новичков в совете его слово действительно могло иметь вес. Те же из клана, кто предпочитали верность Камарильи, как правило, были слишком слабы, чтобы оспаривать его первенство, и в его присутствии чувствовали себя крайне неуютно, даже находясь под защитой Законов Места, Закона Секты и Договора. Дело в том, что примоген у Бруджа выбирался довольно просто. Как правило, им становился достаточно сдержанный сородич, чтобы держать себя в узде на Совете. Достаточно мудрый для того, чтобы вести какое-то подобие того, что у Бруджа считается тонкой политической игрой. Обычно это означает «не бить морду прямо сейчас, а отвести за угол». И достаточно сильный для того, чтобы заставить заткнуться наиболее горячую часть клана.

Так что как-то постепенно возник такой парадокс, что Камил, не будучи официальным членом секты, тем не менее имел голос в Совете. И вот теперь его голосом желает воспользоваться господин Регент за щедрую плату. Хотя. Не настолько уж она и щедра. К ритуалам капеллы Камил относился с некоторой настороженностью, и насколько можно будет доверять собрату, собранному по кускам, чужим кланом, было совершенно не ясно.

Однако Антонио был неплохим бойцом, довольно умным для соклановца, и кроме того числился за ним один должок, который пришелся бы сейчас очень кстати.

Так что он снова взялся за телефон и набрал номер.

– Барон, доброй ночи тебе, занят?

В телефоне что-то гулко ухнуло пару раз, потом истошно завизжало и, наконец, затихло. И из тумана долгожданной тишины выплыл голос Семенова:

– Слушаю тебя, Прима, уже освободился.

– Мне предложили сделку, нужно прикрытие.

– Где, когда?

– На Парке, в полночь.

– Броня?

– Да нет, что-нибудь неприметное.

– С кем сделка? С мясом?

– С колдунами.

– Тогда, может, все-таки броню? Да ладно-ладно, я все понял. Щаз соберу пацанов.

– Неприметно!

– Да все будет зачетненько, не бойсь. Сам пойду, – и Барон довольно заржал.

– Вот, блин, этого-то я и боюсь... Ладно, если не дойдет до драки, не мешивайтесь.

– Все будет в ажуре. До встречи!

Камил досадливо поморщился и швырнул телефон в ящик, работать с анархами было тяжело, с барона вполне станется подогнать туда пару БТРов и «незаметненько» припарковать на стоянке. Однако идти без прикрытия было бы большей глупостью. Поэтому оставалось надеяться на благоразумие собратьев и на себя.

Вечер обещал быть интересным, поэтому Камил зашел последовательно в оружейку и в гардероб, где облачился в парадный костюмчик без галстука, пододев под него легкий полицейский бронежилет. Накинул плащ и поднялся на поверхность, прихватив свою трость. В прихожей мельком глянул в зеркало, там отражался слегка старомодный служащий, возвращающийся после небольшого банкета. При мысли о банкете он довольно хмыкнул и вышел в ночь.

Отпустив такси возле оптовки, он двинулся через территорию заповедника, срезая путь через камыши. Конечно, шанс нарваться на засаду был и здесь, но в зарослях все же как-то уютнее, чем на ночном шоссе, которое просматривалось на полтора километра и было открыто для выстрела снайпера. Привычка ожидать худшего расклада от ситуации настолько въелась в сознание, что стала его частью. Однако если бы не она, его не-жизнь была бы значительно короче.

Довольно быстро он нашел тропинку, проложенную местными жителями, и без каких-либо приключений вышел на автомобильную парковку у входа на центральную аллею. Одинокую фигуру регента в его дурацком длиннополом кожаном плаще он заметил еще издали. Площадка была залита безжизненным желтым светом фонарей и казалась пустынной. Камил еще раз огляделся и вышел из-за деревьев, к его удивлению, барона с его ребятами действительно не было видно.

– А, господин Камил! А я уже начал беспокоиться, что Вы не придете!

– В отличии от некоторых, стараюсь соблюдать условия. Где Антонио?

– Здесь-здесь. Точнее, почти здесь. На другой стороне дороги. С парой моих очаровательных ассистенток. И под прицелом пары дробовиков, заряженных серебряной картечью, я слышал, клан Бруджа не особенно любит серебро? Это правда?

При этих словах регент как бы невзначай поигрывал своей тростью с серебряным навершием и многочисленными каббалическими знаками из проклятого металла.

– Вы полностью правы. Не особенно, – спокойствие в голосе давалось с трудом, Зверь в груди вставал на дыбы, глухо рыча, и цепь на его ошейнике предательски поскрипывала.

– Однако не буду затягивать нашу встречу, я вижу, что Вы не очень-то рады моему предложению, однако повторяюсь. Вы даете слово, что будете голосовать за меня на сегодняшнем совете?

– В смысле, совсем за Вас? – слова давались с трудом.

– Не прикидывайтесь, Камил, я знаю, что Вы умнее, чем хотите казаться. Но объясню как... для Бруджа. Сейчас Вы даете мне слово, что когда на сегодняшнем совете спросят: «Кто за то, чтобы князем был господин Регент?», Вы бы подняли руку или иным способом поддержали мою кандидатуру. Вы мне слово, я Вам – вашего собрата. Вон, кстати, и он.

Регент указал тростью на тоннель подземного перехода, где на другом краю в свете включившихся автомобильных фар вырисовывались три темных силуэта, у двух из них действительно в руках было что-то похожее на оружие.

– Ладно. Даю слово. Проголосую разок за Вашу кандидатуру.

– Вот. Так бы и сразу. Тогда не смею более навязывать Вам свое общество. До встречи на собрании. Я сейчас сяду в машину, и вашего сородича тут же отпустят.

Регент помахал тростью, и фары в конце тоннеля погасли. Потом он быстро, но без лишней суетливости поднялся по лестнице и сверху, с дороги раздался звук автомобильного стартера, затем хлопок двери. Камил достал сигарету и задумчиво прикурил, пытаясь унять дрожь в руках. Зверь не хотел успокаиваться и рвался на невидимой привязи, раскачивая клетку. Безумно хотелось убить мерзавца повторно и, закатав в глыбу бетона, затопить в каком-нибудь болоте. Если что-то и было в этом мире более всего раздражавшее его бешеную клановую кровь, так это навязывание чьей-то воли. Однако годы тренировок сделали свое дело, и когда из перехода показался несколько ошарашенный Гастелло, Камил был уже почти спокоен.

– Камил? Что за...

– Пойдем, говорить будем позже.

Он поднялся по лестнице и оказался на автобусной остановке, она была почти пустынна, если не считать зачуханого оранжевого грузовика дорожной службы вдаль. Камил недоверчиво посмотрел на грузовик, еще раз огляделся кругом и набрал номер.

– Барон? Я тебя не вижу.

– Зато я тебя вижу, – захихикало в трубке. – Тебя и еще какого-то чужачка.

– Подбирай нас, пора сваливать отсюда!

– Чичас, три минутки подожди.

– А если надо прямо сейчас?

– Ну, тогда будет прямо сейчас, но потом не обижайся...

В камышах взревели моторы и, довольно бесцеремонно снеся ограждение стоянки, на шоссе прямо по широкой пешеходной лестнице выскочило два небольших четырехколесных броневики, уляпанных грязью до самых башен. Заложив вираж по шоссе, они прижались к обочине напротив и остановились.

– Ёперный театр, Барон! Ну я же просил, без бронетехники!

Однако появившееся из люка камуфляжное тело принадлежало Бабаю.

– А где Барон?

– А вон они, выезжают, – и Бабай мотнул головой в сторону оранжевого грузовичка, из кузова которого как раз выкатывалась небольшая белая машинка.

– Мала-адцы, – преувеличенно восхищенно протянул Камил. – А на воздушном шаре у вас сверху никто не болтается? Давайте угадаю? Подводные лодки в обоих озерах? А шоссе в скольких местах заминировано? В трех? Не угадал?

– Да зачем нам подводные лодки, у нас бэтэр плавающий, да и минировать не стали в этот раз, – смущенно начал было Бабай.

Но Камил уже отвернулся от него в сторону подкатившейся беленькой «Тойоты». Барон, тоже облаченный в городской камуфляж, увешанный шевронами и лычками, радостно скалился с переднего сиденья.

– Привет, Прима! А вот и мы! Как тут у вас дела?

Камил поморщился, однако ругаться не стал.

– Надо ехать к элизиуму вентру, сегодня выборы Князя, я обещался быть.

– Ого-го! А как же месть цветочникам?

– Они согласились передать Николая и заплатить неустойку. Что ты еще хочешь от них?

– Еще крови и еще денег! – Барон картинно захохотал, кровожадно поигрывая штыком ножом, потом на обратном взмахе швырнул его за спину на заднее сиденье. Там что-то пискнуло.

– Вот черт, совсем забыл! – он выскочил из машины, распахнул заднюю дверь и выволок с заднего сиденья какое-то тело, плотно перемотанное серебристым скотчем.

– А это еще кто? – поинтересовался Камил. – Турист?

– Не-е, турист это я! – радостно заявил Семенов, сноровисто упаковывая тело в багажник. – А это – завтрак туриста! – и он снова захихикал. – На самом деле, вроде как охотник. Охотился в черте города на уток, правда, почему-то с СВД-шкой, ну, мы и решили помочь природоохранным органам.

– Ладно, хватит трепаться, поехали.

– По машинам! – заорал Семенов и снова нырнул на переднее место.

Камил вежливо, но настойчиво посадил Антонио, все еще пребывающего в некотором оцепенении, на заднее место и затрамбовался последним. Кроме них на заднем сидении обнаружилась еще Бешеная Алиса.

– Добрый вечер, Камил.

– Надеюсь, что так, Алиса.

– В элизиум?

– Ага, сегодня важная ночь. Если сегодня не будет выбран князь, Москва обещала при-
слать карательную экспедицию.

– Ну, а нам то что? Или они хотят нарушить Договор?

– Не знаю, но у меня есть личные интересы, и я хочу, что бы они были соблюдены.

– То есть сейчас ты едешь туда по личному делу?

– Получается, что так.

– Слышишь, Барон! Он втянул нас в свою личную разборку и даже не напрягается! А если у содружества будут проблемы из-за тебя?

– Переизберете и назначите нового Приму. Что вам, в первый раз что ли?

– Остынь, Алиса, – Барон достал коммуникатор и производил с ним какие-то манипуляции, – Прима прав, переизбрать всегда успеем, а пока по крайней мере не скучно. Кроме того, мы же должны проследить за нашими инвестициями. Да и за «охотника» колдунам напомнить надо. Чьи бы это разборки ни были, никому не позволено безнаказанно сажать снайперов с посеребренными патронами в местах наших родовых гнездовий! – И барон гордо закричал.

– А огнемёт в оружейной башне у тебя лицензирован Договором? – как бы невзначай поинтересовался Камил.

– Ага, заметил-таки! А я-то все жду, заметит или нет? – Он оторвался от коммуникатора и глянул на Камилу в зеркало заднего вида. Рот Барона кривился в дурацкой усмешке, но во взгляде была сталь. – Отвечу тебе честно. Нет! Не лицензирован, но пока это мы взяли за задницу этого стрелка, а не он нас. И это не мы первые притащили дробовики с серебром и пяток «охотничков» с посеребренными пулями.

– Регент опасно играет, он же знает, что его ждет, если его возьмут на преднамеренном нарушении Договора! Но и мы должны быть осторожны. Договор с комарами – не единствен-

ные наши большие проблемы, – Алиса метнула быстрый взгляд на Барона, но тот продолжал играть с коммуникатором.

– Подъезжаем, – впервые подал голос водитель, и Камил узнал в нем давешнего горемычного рокера. Парень был крепко на узах, но его все равно ощутимо колбасило.

Камил оглянулся и с облегчением увидел, что бронетехника где-то отстала.

– Тебе дать сопровождение? – поинтересовался барон, пока водитель искал место для парковки.

– Не надо, – Камил скривился как от кислого, – танк в лифт не влезет. Просто прикройте на подходе и на выходе.

– О'кей, – неожиданно легко согласился барон. – Мы подождем. Слушай, Прима, а может чужачку сиську выдать, чет у него вид не здоровый?

Камил вынырнул из своих мыслей и взглянул на Антонио. Того и вправду ощутимо потряхивало.

– А у тебя есть?

– Говно-вопрос – был Гамлету ответ! – и Барон достал из бардачка пакет донорки, – хотели еще с охотничков нацедить, да она у них порченная. Лови, бедолага!

– Меня зовут Антонио, – прохрипел тот и жадно припал к «сиське».

– Ты, Прима, чего-то совсем сдавать стал – продолжал философствовать Семенов, – под пулями шляешься, в совет без прикрытия, без секретаря, тело вон с собой тащишь с пустым брюхом, а как бы он сорвался там, среди этих сытых гондонов?

– Я могу держать в руках и себя и свой язык, – рывкнул Гастелло, «сиську» он уже опорожнил, и в просветлевших глазах появились искорки характера.

– Да я ж только спросил! Ну, поинтересовался. Ферштейн? А, ну да ладно. Можешь звать меня Барон, и я тоже рад знакомству.

– Ты не мой Барон, – теперь уже упрямство так и звенело в его голосе.

– Зато он Мой Барон, – устало перервал забияк Камил. – А ты Мой должник. Так что – добро пожаловать в Домен. И тебя, кстати, с днем рождения!

– Спасибо, – на автомате выплюнул погорелец и замолчал.

Камил повернулся в пол-оборота к Антонио

– Прежде, чем мы пойдем, пожалуйста, коротко – что там за взрыв газа в частном секторе?

– Где? – глаза Антонио опять помутнели.

– Ну, перед твоим героическим аутодафе?

– Там был вентру, незнакомый торик и еще кто-то, они пришли с ней.

– С Анной?

– Да.

– Черт, ты правда – дурак? Ты что, не знал, что она – примоген клана Розы?

– Мы с ней так давно не виделись.

– Ты не знал, что мы с ними на грани войны?

– Но ведь мы еще не воевали.

– Нет, но ты дал им очень хороший повод. Если, конечно, колдуны реставрировали кого-то еще, кроме тебя.

– Но они начали первыми!

– Это еще нужно доказать, а три слова против одного – плохой расклад, тем более, что ты был на их территории. Останешься здесь или пойдешь со мной?

– Пойду с тобой. В конце концов, может быть, я узнаю кого-то из тех, кто был там.

– Тогда, Барон, будь готов к неожиданностям со всех сторон. Если тут замешаны наши задроты в галстуках, можно ожидать чего угодно. Мы выходим.

– Не бойсь, Прима! Мы готовы к приключениям! – и Барон звучно передернул затвор на миниатюрном автомате.

Камил неспешно вынырнул наружу, в прохладу ночного двора и быстрым шагом направился ко входу в элизиум. Вентру не нашли ничего лучше, чем обустроить свой элизиум в новостройке в огромном помещении под самой крышей. Днем часть офиса занимала крупная строительная компания, принадлежавшая как раз безвременно почившему Князю.

Парадный подъезд не освещался – ни гостям, ни хозяевам свет был не нужен. Однако кодовый замок исправно мигал экраном. Камил быстро набрал комбинацию и посторонился, пропуская Гастелло вперед. Затем скользнул внутрь и закрыл дверь. По тонированному стеклу почти незаметно скользнул зеленый зайчик.

Камил нажал кнопку вызова лифта и достал телефон.

– Барон, у тебя же аппарат без дальномера?

– Какое там! На моей пукалке даже ствола нет, а ты про такое спрашиваешь!

– Тогда где-то справа от тебя снайпер сидит с ночной оптикой. Не очень высоко.

– Я тебя понял, проверим.

Насчет лифта Камил все-таки покривил душой, ибо в эту махину танк бы как раз влез.

Влезло же сюда несколько шкафов и пяток глубоких кожаных кресел.

Лифт завибрировал и вознесся на высоту двадцатого этажа, как птица.

Высокое собрание было уже все в сборе.

Большой круглый зал Совета, который за глаза был прозван «тронным», располагался в башенке на крыше высотки, и сквозь толстые тонированные стекла можно было наблюдать панораму ночного города.

По кругу стояли примогенские кресла по числу собравшихся. Камил кивком головы поприветствовал всех и прошел к своему месту, по пути небрежно махнув рукой в сторону Гастелло,

– Антонио, мой новый секретарь. Прошу любить и жаловать.

Краем глаза он заметил, как дернулся глаз у господина Герхарда, и поставил зарубку в памяти. Усевшись и закинув ногу на ногу, он оглядел собравшихся, и задержал свой взгляд на очередном примогене Клана Розы. Им оказалась бывший секретарь Александры, довольно молодая женщина с неприятным взглядом. Определенно клан цветочников переживал сейчас не лучшие времена. Вообще в зале было порядком новых лиц. Гангрелов представляла рыжая девица, похожая на ирландского сеттера, а от имени безумцев присутствовала гуттаперчевая девочка с короткой стрижкой, которая постоянно пыталась посмотреть себе за спину, не вращая головой, что в принципе было еще довольно легкой формой помешательства для малка – ее предшественница некоторые заседания проводила вообще под стулом.

Хранитель, как обычно, появился неожиданно, буквально соткался из воздуха.

– Итак, все в сборе. Можно начинать. Напоминаю, сегодня последняя ночь безвластия, завтра утром приезжают представители Высшего эшелона. Если домен не обретет четкую руку, он может быть разделен между соседними, с понижением статуса в иерархии секты.

– Я предлагаю всем кандидатам на пост Князя поднять руку, после чего провести голосование. У каждого из вас только один голос. За себя голосовать можно. Возможна передача своего голоса, но это должно совершаться согласно официальной процедуре.

Камил сцепил пальцы на животе и с интересом оглядел зал: руки подняли Регент, Ирландский сеттер, и, как ни странно, новая малка. «Сбор умалишенных», – подумал он, власть никогда не привлекала его, ибо большей частью, по мнению Камилы, это была рутина, отягощенная обязанностями. Однако почему нет кандидата от вентру?

Хотя, учитывая то, что Герхард явно узнал его спутника, тут пахнет колдунами с их реставрацией и прочими ритуалами. Похоже, Регент подготовился как надо.

Интересно только, почему он не нашел подхода к блохастикам? Вон как они на него волками позыркивают.

– Итак, кто за кандидатуру господина Регента, прошу поднять руки.

Поднялась рука примогена ториков, рука самого регента. Камил повременил и тоже поднял ладонь.. Секретарь господина Бельского, сэр Бенедикт довольно удивленно перевел взгляд с Камил на Регента и обратно.

– Итого, три голоса.

Хм. Вот так. Похоже, Регента кто-то подставил. И этот кто-то скорее всего гангрелы, то они махом сменили своего вечно заседающему волчару на какую-то рыжую шавку. Ну что ж, это довольно логично, это тебя быстро фиг заменишь, а им-то что. Подбросили, поди, значок в воздух, кто увернуться не успел, тот и прима. Если сейчас один из претендентов не снимет свою кандидатуру, будет игровая ничья. Вот только в борьбе за престол ничьих не бывает. Всегда бывает чья-то. Ладно, он свое слово сдержал, так что теперь можно полюбоваться.

Так и оказалось, что Рыжая и Регент набрали по три голоса, Малка один – свой. Цирк, да и только! Заявили перерыв на обсуждение, и Камил с Антонио вышли на балкон.

– Ну что, узнал кого-нибудь?

– Примоген Вентру – точно! Больше никого.

– Ну, если тут замешан герр Герхахрд, то больше никого и не надо.

У нас налицо торико-тремерская коалиция, но только с гангрелами они прокололись, и как-то не так вышло с вентру. Хотя его могли просто отговорить выставлять свою кандидатуру. А сейчас должны прийти уговаривать меня.

И точно – за спиной раздался скрип открываемой двери, и голос сэра Бенедикта поинтересовался:

– Господин Камил, я могу поговорить с Вами?

– Думаю, да.

– Если можно, наедине.

– Антонио, я предлагаю Вам погулять по залу и хапнуть чего-нить на дармовщинку – у них тут отличный холодильник.

– Спасибо, босс, – издевки в его голосе почти не было слышно.

Сэр Бенедикт вежливо посторонился своей немалой фигурой, потом аккуратно прикрыл за собой дверь. Знакомы с ним они были довольно давно и никаких особых конфликтов не имели – слишком разные сферы влияния, что в этой среде можно было классифицировать как приянтельство.

– Господин Камил, зело удивлен я выбором Вашим, однако оспаривать не возьмусь. Однако просил бы Вас в следующем раунде быть более осмотнительным.

– Иными словами, сэр Бенедикт, Вы предлагаете мне поменять сторону и отдать свой голос за вашего кандидата?

– Именно так, но если не хотите, то можете просто воздержаться от голосования. Или отдать свой голос за эту бедную дурочку. Как захотите. Только не за регента.

– Хм, признаться честно, сэр, Вы подали мне слишком интересную идею. Исключительно желаю посмотреть на князя, сидящего под троном. – Камил тихо рассмеялся, – я учту вашу просьбу.

– Ну, на большее я и не надеялся.

– Однако пора вернуться к нашим.. собратьям, – тут уже они рассмеялись оба и неспешно вернулись в зал.

Когда все заняли свои места, Хранитель элизиума вновь попросил подтвердить кандидатуры. Поднялись руки Регента и Малки.

– Предлагаю начать с другой стороны, чтобы вы еще раз подумали. Поэтому первым кандидатом будет Тот из Клана Малкавиан. Проголосуйте, пожалуйста.

Тот, не глядя ни на кого, подняла руку. Остальные члены совета с плохо скрываемым нетерпением ждали завершения комедии. Камил оглядел собравшихся, поймал самодовольный взгляд Регента и, паскудно улыбнувшись, поднял левую руку, соорудив на свободно лежащей правой примитивную международную комбинацию.

– По мне так лучше Малки, чем Треми, – ехидно добавил он изумленному собранию.

– А что, неплохая идея! – радостно твякнула рыжая и воздела лапку.

– Итого, три голоса за Тот от клана Малкавиан.

– Следующая кандидатура – господин Регент Капеллы от клана Тремер.

Поднялась дрожащая от ярости рука Регента и торики. Примогены Ноосферату и Вентру воздержались.

– Кхм, большинством голосов Князем Домена становится Тот от клана Малкавиан! – смутить Хранителя было непросто, но, видимо, образ Князя-Под-Троном явился и ему, однако старая выучка быстро взяла верх над эмоциями.

– Прошу присутствующих представиться и принести клятву верности.

Все дружно и неискренне зааплодировали и потянулись к креслу новоиспеченного князя с поздравлениями, клятвами и кляузами.

Камил дождался своей очереди и осторожно прикоснулся губами к изящной руке Князя, судорожно вцепившейся в подлокотник кресла.

– Камил, примоген клана Бруджа и наблюдатель от содружества Свободных, – потом повернулся и указал на своего спутника, – Антонио, мой гость из Коломны, у нас примерно на месяц. Исполняет обязанности моего секретаря.

Князь судорожно кивнула, и как-то уж совсем странно сверкнула глазами. Камил еще раз поклонился и аккуратно скользнул в сторону своего места.

Дело оставалось только за Регентом, но тот сидел, будто лом проглотивши, и только бешено сверкал глазами. Большая часть присутствующих с интересом ждала продолжения и не прогадала.

– Это черт знает что такое! – Взорвался наконец Регент, – я немедленно же покидаю этот город и уезжаю в Вену! Здесь даже не анархия – здесь маразм!

– Другими словами, господин Регент, Вы отказываетесь признавать законного князя? – подбросил дров в огонь Камил, сделав акцент на слове законный.

– Законного? Да это бред! Я должен был владеть этим городишкой, а не эта безумная девка! – С этими словами он сорвался с кресла и, размахисто шагая, бросился к двери. Немного погодя за ним последовала его секретарь.

– Мне одному кажется, что господин Регент только что поставил себя вне закона? – феноменально вежливо поинтересовался Камил.

Все недовольно зыркнули в его сторону и перевели взгляд на Князя.

– Я. Я думаю... надо, чтобы он... вернулся... Или не сам. Да, плохо-плохо.

– Может, выслать погоню? – участливо поинтересовался Камил.

– Да. Погоню-погоню.

– Ну и что мы стоим? – громко поинтересовался Камил. – Князь явно дал вам понять, чтобы его вернули!

Блохастики радостно сорвались с места и исчезли. Чуть позже за ними последовал Шериф. Камил встал, поклонился князю, собранию и тоже направился в сторону выхода.

– Камил, я тут еще останусь, послушаю, – предложил Антонио, Камил кивнул головой и, постепенно ускоряясь, двинулся в сторону выхода, на ходу нащупывая телефон.

– Барон, там сейчас к вам Регент выскочит, так он уже вне закона и его можно утилизировать, более того – нужно.

– Понял тебя, ждем-с.

Не доходя до лифта, Камил вдруг резко свернул и, распахнув неприметную дверь, вынырнул на пожарную лестницу. Пробежав несколько этажей, он почувствовал легкое дуновение воздуха и, сгруппировавшись, прыгнул в приоткрытую дверь. Кол в руках секретаря разорвал ему плечо, но не достиг цели, застряв в кевларе бронежилета, а вот трость в руке Камилла нащупала грудь противницы и выплюнула заряд картечи, вынося изрядный кусок плоти. И тут же, не давая ей опомниться, он перетек чуть правее, и быстрым движением свернув её голову, приник к разорванным сосудам, подставляя пасть под упругие струи чужого вите и с каждым глубоким глотком гася в себе Жажду Зверя.

Отшвырнув polegавшее тело к стене, он достал из кармана набор влажных салфеток и тщательно вытер лицо и руки. Рубашку и костюм это, правда, спасти уже не могло, но плащ он успел сбросить еще на площадке и сейчас накинул на себя, застегнув на все пуговицы, замаскировав таким образом следы экспресс-трапезы.

Дальнейший спуск прошел без приключений, но перед выходом с лестницы он остановился и перезарядил трость. После чего поднял воротник и вышел в холл.

На выходе из подъезда ему повстречались оживленно перетягивающиеся гангрелы, возвращающиеся с охоты. Судя по всему, она была не особо удачной. Камил вежливо поклонился и вышел наружу. Как он и предполагал, шумная охота за Регентом распугала из двора всех, кого только можно, однако машины барона он тоже не нашел.

Он вновь достал телефон и набрал номер.

– Ну и как ты меня прикрываешь, скажи мне?

– Ща мы тебя заберем. Не переживай. Там все равно всех распугали. Выходи на угол.

Подтверждая его слова, во двор, скрипя тормозами, влетела белая машинка без огней и распахнула заднюю дверь.

– В этот раз оперативненько, – сказал Камил, усаживаясь внутрь.

– Ты даже не знаешь, насколько! – радостно заорал Барон с переднего сиденья, – взяли мы этого задрота колдунского!

– Его ж, вроде, не догнали?

– А мы его не догоняли, мы его выследили. Мы еще на парке его тачку поместили, пока он тебя дожидался, а потом выследили через спутник.

– И он от вас не ушел?

– А куда бы он от нас ушел? Мы ж знали, где он стоит. Зажали в тупике и переехали бэтэром! А потом все, что оттуда пыталось выбраться, проткнули ломиками, в трех местах. Да ты щаз сам посмотришь, вон парни его на эвакуатор грузят.

Парни действительно сноровисто загружали на эвакуатор то, что осталось от тремерского фургончика после таранного удара бароновского танчика. В изломе изувеченной кабины угадывалась фигура регента, проглотившего лом, теперь уже в прямом смысле. В его запрокинутую голову в район рта был забит обрезок стальной трубы, и еще парочка торчала из тела, намертво приковав его останки к останкам авто.

Водрузив этот монумент на платформу, рабочие набросили сверху тент и, погрузившись на бэтэр, покинули место передраги.

Рокер медленно двинулся вслед за эвакуатором.

– Куда вы его?

– Знаю я тут одно местечко, за городом. Там тихо и никто не задает вопросов.

Процессия постепенно набрала ход, и вскоре за окнами замелькали огни пригорода, а потом потянулись бетонные заборы промзоны. Наконец, машины вынырнули на обширный пустырь, заросший бурьяном и остовами конструкций.

– Приехали.

Камил с Бароном вышли в ночную прохладу.

– Скоро утро, нужно спешить, – напомнил Камил.

– Не бойсь, Прима, – выскочившая из кабины эвакуатора Бешенная Алиса, умело орудуя мини-краном, спускала «памятник регенту» на грешную землю. Барон содрал с него тент и, проверив наличие тела внутри, начал бодро обкладывать останки, старыми автомобильными покрывалами.

– Прима, не в службу, а в дружбу – достань из багажника остальных жмуриков, а то мой водитель от руля оторваться не может, его еще не переколбасило.

Камил обошел машину и открыл багажник, он оказался доверху набит телами, числом около трех-четырех, видимо, некоторые не влезали целиком, их аккуратно расчленили и впили в зазоры – собрат, укомплектовавший пассажиров, явно был большим знатоком и любителем «тетриса». Камил слегка поморщил нос, но потом вспомнил про угробленный костюм, вздохнул и, набрав полные руки телочастей, понес к погребальной композиции. Освободившаяся Алиса присоединилась к переносу.

Скоро на пустыре возникло скульптурное сооружение зиккуратного типа, которое Барон щедро полил, из принесенной канистры.

– Прима, Алиса, вы как относитесь к небольшому аутодафе? – Барон прямо лучился энергией.

– Без меня, – сострил Камил, на всякий случай делая шаг назад. Клан Бруджа к огню относился достаточно спокойно, без паники, в отличие от колдунов и большинства собратьев, особенно клана Тремер.

Так что огненное погребение – это был достойный ответ господину Регенту на его шпильки в виде серебряной картечи и прочих деяний.

Водители отогнали машины, и Барон бросил на монумент раскрытую зажигалку.

Пламя огромным змеем взметнулось над останками, осветив окрестности.

– Поехали, братва! – Барон подошел к автомобилю и открыл дверцу.

– А не выберется? Колдуны, говорят, живучие.

– Из огня-то? Вряд ли. Я ему еще в трубы пару термитных шашек положил, чтоб горелось лучше, так что до встречи в аду!

Машина резко взяла с места, пугая светом фар мелкую ночную живность. Некоторое время все молчали. Камил не выдержал первым.

– О чем молчим? Сдается мне, о мои Свободные собратья, вы сегодня еще где-то нашкодили, но боитесь признаться.

Барон странно посмотрел на Алису и промолчал, а та, наоборот, заговорила.

– Это случилось не сегодня.

– Что?

– Ну, я просто не знала, можно ли тебе доверять.

– Во как! Ну, теперь уже продолжай.

– Поэтому сначала посоветовалась с Бароном, но он тоже не знает, что с этим делать.

– Та-ак. И с чем же?

– Ну, ты же слышал, что случилось со старым Князем?

– Да уж, по-моему, все слышали.

– Во-о-от, а я – видела...

– Та-а-ак... с этого места поподробнее.

Бешеная Алиса на секунду запнулась, но потом продолжила, постепенно переходя на привычный темп скороговорки.

– Она приехала за мной той ночью, одна. Сказала, что есть вопрос, решить который нужно быстро и без посредников. Ну, мы же подрабатываем иногда, по решению проблем. Я согласилась, села в машину. Потом мы поехали, и я не помню, когда она это сделала, она же была очень сильная, очень. Я даже пальцем пошевелить не могла. Только смотреть.

Она привезла меня в свой кабинет, вытряхнула как куклу, там был беспорядок, как будто вихрь разметал все. А на столе лежал ОН.

Ну, точнее, я сначала не поняла, что это. Но я и сейчас не совсем понимаю. А уж тогда!

Я лежала на ковре и смотрела, как она подходит и берет со стола что-то, поворачивается ко мне, и я вижу, что это икона. Очень старая. В золотом окладе.

Похожа на византийскую работу. Темный лик. Но тогда меня удивило не это. Я помню, меня поразило то, что она явно держит ее с трудом. Понимаешь? Ей было тяжело! Она занесла меня на двадцатый этаж, как ребенок куклу, одной рукой! А тут я почти ощущала, как дрожат от напряжения ее руки. Потом она наклонилась ко мне и сунула эту штуковину мне прямо в лицо, и я увидела, как фигура на доске пошевелилась. Она посмотрела на меня, и у нее был такой глубокий взгляд! Я почувствовала себя пылинкой, падающей в бездонный колодец, но дно у него все-таки было, правда очень, очень глубоко и там плескалась жажда. И вот эта жажда-то и смотрела на меня, и имя ей было Тьма. Знаешь, Камил, я давно перешагнула рубеж не-жизни, уже более ста лет отделяет меня от того времени, когда я боялась порождений ночи, но в тот момент мне, Бешеной Алисе, стало страшно, как маленькой девочке! Вот такой был взгляд у той фигуры. И хотя я была скована ее доминантой, я попыталась разорвать этот контакт, отвернуться. Но все что мне удалось сделать, это оторвать взгляд от доски и посмотреть в глаза Князя. Тогда я восхитилась своей силой воли, но потом поняла, что он меня просто отпустил. Не я ему была нужна в тот вечер, не я, только это меня и спасло!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.